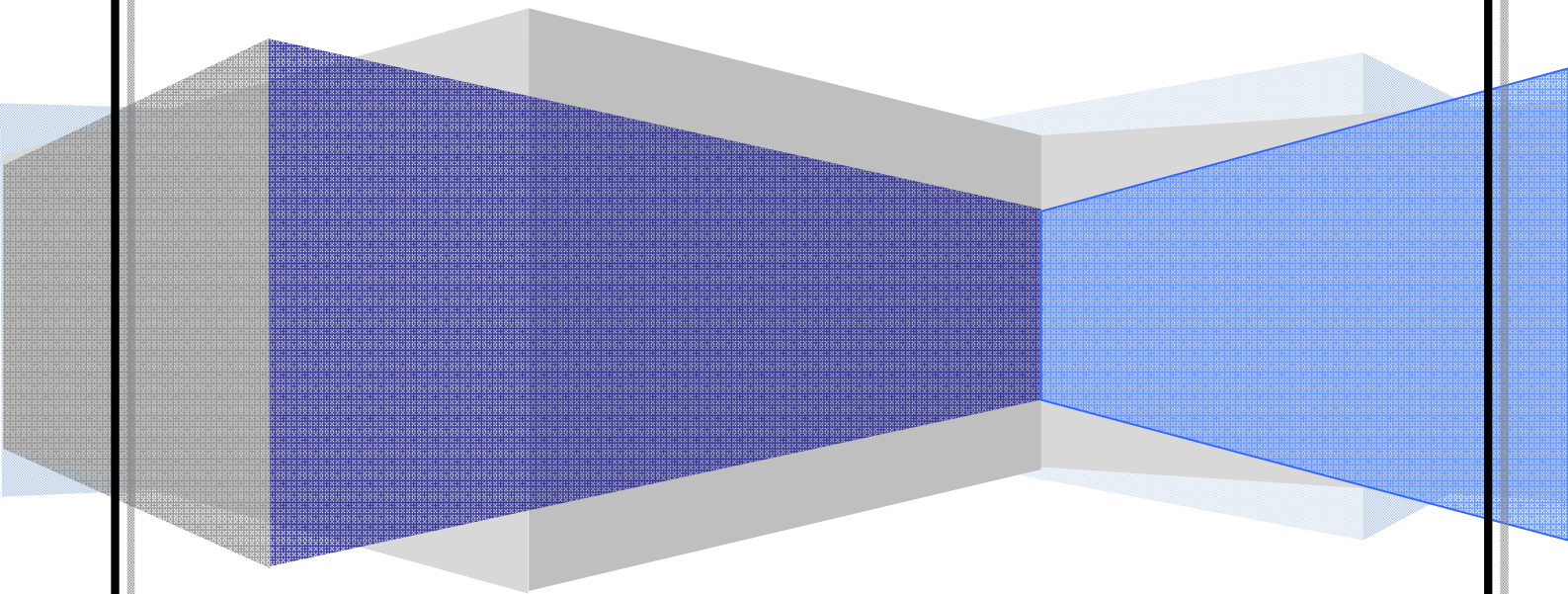

Джузеппе Манфреди

МАРЛЕН

© Paola D'Arborio

© Валерий Никонцев (Перевод с итальянского)

2009

Действующие лица (в порядке появления):

**Джо
Тами
Девушка, она же Катер
Марлен
Барт**

Действие первое

Теплая ночь. Далекие вопли койотов. В шезлонге - мужчина. Время от времени он поднимает глаза к звездному небу. Рядом с ним телефонный аппарат и бутылка виски. В руке стакан. Телефонный шнур длинной волнистой змеей тянется через всю сцену. Мужчине за шестьдесят. На голове редкий ежик, над губой узкие усики. Мятая рубашка с закатанными рукавами распахнута на груди. Его зовут Джо. Он слегка пьян.

ДЖО. Ты великая шлюха, Марлен. Исключительная. *(Делает глоток)*. Рядом с тобой некого поставить. Нет-нет, пытаться заменить тебя - бессмысленная трата времени и сил! *(Делает еще глоток)*. Вот уже много лет я спрашиваю себя, что случилось, отчего дом, в котором я живу, стал мне так неприятен. *(Делает новый глоток)*. Мой прекрасный дом, затерянный в краю камней и гремучих змей. *(Еще один глоток)*. Я построил его для тебя, а он тебя у меня отнял. Ты должна этому радоваться. Отделив мою жизнь от твоей, я скрылся в пустыне, там, куда когда-то ссылали палачей худеть в отсутствие жертв. *(Вой койота)*. Релакс Сатаны на пенсии. Фатальная судьба. Она рисуется тебе полной радости, но в итоге выхолащивает тебя. Меня до сих пор не оставляет тревога о тебе. Мог бы чувствовать себя героем, а я... Нет, я сущий позор преисподней! *(Смотрит на часы. Вычисляет время. Путается. Громко вздыхает. Протягивает руку к телефону. Поднимает трубку. Сверяясь с бумажкой, набирает длинный номер)*. Золотая шлюха!.. Здесь каждая комната – твоя. В самом пустынном доме Вселенной. *(Ожидает ответа. В телефон)*. Лондон?.. «Дорчестер Отель»?.. Апартаменты мисс Дитрих, пожалуйста... Фрау Дитрих, битте... Джозеф фон Штернберг. Можете сказать просто: Джо. Этого должно быть достаточно... Должно быть. Старина Джо... очень-очень старина Джо... *(Ждет. В телефон)*. Руди? Какой сюрприз!.. Муж в номере собственной жены! Что случилось? Ты опять спишь с Марлен?.. Вот это был бы скандал! А как это меня соединили с тобой?.. По ошибке? Понимаю. Ладно, чтобы не перезванивать, скажи ей... Скажи, что я звонил вечером... я имею в виду вечер у вас, а не у меня, у меня ночь. Скажи, что я звонил, в общем, в связи с концертом, со спектаклем, который должен состояться... Я хотел поздравить ее с премьерой - можешь это сделать?.. Благодарю. И скажи ей... скажи, что в моих краях все спрашивают о ней... Кто все?.. *(Слышится вой койотов)*. Да вот хотя бы койоты, слышишь их?.. *(Отводит руку с трубкой в сторону. Вновь прикладывает к уху)*. Ты слышал моих койотов, Руди?.. Они помнят ее с момента первой встречи. При их виде у нее на физиономии появлялась такая гримаса отвращения, что она отпечаталась на пейзаже как тавро... А как поживает твоя Тами? По-прежнему поколачивает тебя?.. Мои комплименты. Мне нравятся вещи, которые длятся долго. Послушай, мне так и не удалось понять, как это так Марлен никогда тебя не волновала!.. Рассчитываешь дольше прожить... ну-ну... Так ты передашь ей? Обещаешь?.. Молодец! *(Кладет трубку)*. Отбросы жизни на большее и непригодны. Только сейчас я учусь этому. *(Вой койота ближе. Джо поднимает стакан. Койоту)*. За тебя, коллега! *(Пьет)*.

Затемнение.

Июнь 1954 года. «Дорчестер Отель» в Лондоне. Огромная гостиная в номере-люкс «Оливер Мессел». На полах ковры в стиле «либерти». Царит беспорядок. Повсюду охапки и корзины цветов. Много париков. Одни разбросаны на комодах, другие надеты на болванки. Сквозь тент, защищающий балкон от ветра, проникает утренний свет. На письменном столе у боковой стены стоит зеркало, превращающее стол в своего рода туалетный столик. Перед зеркалом вперемешку с бумагами лес разноцветных флакончиков, кисточек, щеточек. Там же телефонный аппарат цвета слоновой кости. По всей комнате к мебели прислонены зеркала разных размеров. Самое внушительное -

на двигающейся подставке. По периметру зеркальной рамы горящие лампочки с абажурами из металлической сетки. Посреди гостиной - канапе с выцветшей светло-небесной обивкой.

Две двери. Одна ведет из номера, другая - внутрь. В углу пианино и табурет.

Полная женщина лет сорока пяти, с нездоровой бледностью на лице, плавно перемещается по комнате. У нее каштановые волосы. На ней плохо сидящий костюм с широкими плечами. Это Тами. В руках у нее воздушное платье из темного шифона. Видно, что она борется с соблазном примерить его. Смотрит, куда бы положить. Уступая искушению, прикладывает платье к себе. Оценивающе смотрится в зеркало, принимая различные позы. Вздыхает. Подходит к канапе. Кладет на него платье, подбирая ткань, чтобы не свешивалась на пол. Обнаруживает, что случилось катастрофа: нитка платья зацепилась за ее браслет. Она пробует отцепить нитку, делая только хуже: та вытягивается еще больше. Женщина леденеет.

На пороге из внутреннего помещения возникает запыхавшаяся девушка лет тридцати. Ее красота скорее угадывается, чем бросается в глаза. Она одета в костюм, очень похожий на тот, что на Тами, но еще на ней белый фартук, заляпанный пятнами от грима. В руках у нее также пара париков.

Девушка. Эй, Тами!.. Кажется, это платьице влюбилось в тебя!

Тами (как бы про себя). Посредственность!..

Девушка. Посредственность! Посредственность! Посредственность!.. Ее репертуар. И вещь ее. Не твоя.

Тами. Прошу тебя, помоги мне. Видишь, что случилось!

Звонит телефон. Тами боится пошевелиться. Девушка снимает трубку.

Девушка (в трубку). О, Трэвис, я тебя узнала!.. Да, сегодня вечером, в «Кафе де Пари». Две тысячи мест, и все раскуплено... Глупец, разумеется, мы в Лондоне, это театр называется «Кафе де Пари»... Нет, это не паб. Называется «Кафе», но это театр... Слушай, бесполезно шутить со мной шуточки, я дам тебе ее!.. Нет, мы только что закончили подбирать губную помаду. Сию минуту я ее позову.

Тами (в панике). Прошу тебя, только не сию минуту!..

Девушка (зажимая микрофон трубки рукой). А когда?

Тами. Как только приведем платье в порядок.

Девушка (в телефон). Извини, но будет лучше, если ты перезвонишь чуть позже... Нет, минут через пять, максимум десять. (Выслушивает протесты собеседника, Тами). Он говорит, что валится с ног, так хочет спать. В Калифорнии глубокая ночь.

Тами. Но если она сейчас войдет, она убьет меня!..

Девушка (в телефон). Трэвис, мне очень жаль, но... она в туалете. Ты же ее знаешь. Если я пойду ее звать, она нарочно запрется изнутри, и ее оттуда не вытащишь!.. Да, пять минут, перезвони... Согласна, две. Чао! (Кладет трубку и спешит помочь Тами). Святое небо, Тами... знаешь, сколько стоит этот портняжный шедевр?.. Четыре тысячи долларов!

Тами. Но я не виновата... это браслет!..

Девушка аккуратно растягивает браслет, снимает его с руки Тами и быстро освобождает зацепившуюся нить. Внезапно, словно услышав какой-то шум, поднимает голову и смотрит в сторону внутренних комнат.

Девушка. Иди к ней, слышишь, она что-то ищет.

Тами. Но она не звала.

Девушка. Не звала, но, кажется, собирается войти. Задержи ее немного.

Девушка продолжает осторожные попытки исправить ситуацию с платьем. Тами уходит в другую комнату. Пару секунд спустя возвращается почти бегом. Спешит к письменному столу.

Тами. Она ищет пинцет!

Берет пинцет и исчезает. Еще через несколько секунд возвращается с двумя термосами в руках. Ставит их на стол.

Тами. Бульон для Руди. То есть один для Руди, второй для нее... Ну что там?
Девушка (*изучая платье*). Что тут? Тут то, что мы только что облажались с Трэвисом. Он же костюмер. Если кто и мог нам помочь, так это он.

Тами. Ах, верно!.. Перезвони ему!

Девушка. У тебя есть его номер? У меня нет.

Тами. Спросить у нее?

Девушка. И что ты ей скажешь? «Марлен, дай мне номер телефона Трэвиса, хочу передать ему привет»...

Тами, в размышлениях, не трогается с места.

Тами. Но он сказал: две минуты. Ты – пять, а он – две. Они уже почти прошли. Или нет?..

Девушка. Если я раньше не засну, вот что он добавил. (*Вновь смотрит в сторону внутренней двери*). Какого черта она собирается делать с этими вентиляторами?

Тами выходит. Девушка вновь пытается что-то сделать с ниткой.

Тами (*возвращается, растерянная*). Она спрашивает, есть ли здесь розетки.

Девушка (*не отрываясь от своего занятия*). Поищи.

Тами. Ради Бога, скажи, есть они или нет?

Девушка. Обязательно должны быть... Вон одна, где лампа!

Тами (*кричит так, чтобы ее слышали в соседней комнате*). Да, есть! Там, где лампа!

Девушка. И еще одна, куда воткнут шнур от большого зеркала.

Тами (*кричит*). И еще одна, та, что от зеркала!.. Так что если тебе надо...

Звонит телефон. Тами замирает.

Девушка. Быстро, отвечай!

Тами. А если это не он?

Девушка. Ответь.

Тами (*дрожащей рукой снимает трубку*). Апартаменты мисс Дитрих... А, привет, Трэвис, Боже, как я рада тебя слышать!.. Нет, мне кажется, что она еще...

Девушка. Давай, объясни ему, что случилось, быстрее!

Тами (*в телефон*). Да, Трэвис... кстати, мы хотели сказать тебе... у нас тут небольшая проблема с платьем Марлен для сегодняшнего концерта... Да, да, я знаю, что не ты его делал, но я боюсь, что с ним случилось неприятность... Да ничего особенного, одна нитка вытянулась и теперь, в общем... Нет, причем тут Жан Луи?..

Девушка. Притом, что он его сшил!

Тами (*в телефон*). Но я едва знакома с ним, как я могу ему позвонить?.. О Господи, прошу тебя, мне от всего этого так плохо, что меня сейчас вырвет!.. (*Меняет тон*). Шифон!.. Да, целиком из шифона!

Девушка. Отдельная вуаль на вырезе, двойная на юбке и шлейф от талии.

Тами (в телефон). Отдельная вуаль на вырезе, двойная на юбке и... (Девушке). И?..

Девушка. И шлейф от талии.

Тами (в телефон). И шлейф от талии.

Девушка. И еще на груди.

Тами (в телефон). И еще на груди. (Слушает. Вздрагивает. Девушке). Он вне себя. Говорит, что это похоже на то, что он сделал в тридцать шестом для «Сада забвения».

Девушка. Это черное.

Тами (в телефон). Это черное.

Девушка. Горизонтальные складки и без пояса.

Тами (в телефон). Горизонтальные складки и без пояса. (Девушке) Говорит, какая гадость.

Девушка. Скажи ему, что он прав, оно ужасно.

Тами (в телефон). Ты прав, Трэвис, оно ужасно. (Расцветает. Девушке, прикрыв рукой трубку). Ты его добила, он нам поможет!.. (Слушает, потом передает). Откуда вытянута нить?

Девушка. На бюсте, на стыке шва.

Тами (в телефон). На бюсте, на стыке шва. (Слушает. Девушке). Он говорит, что надо крепко держать шитье в том месте, где собралось нитка, и выдернуть ее пинцетом. (Слушает и повторяет). Резко. Резким рывком.

Девушка. Пинцета нет. Ты сама ей его отнесла.

Тами (в телефон). Пинцета нет, Трэвис, он у нее. (Девушке). Он говорит, это не беда, выдерни так.

Девушка. Как это так? Пальцами?

Тами (в телефон). Ты уверен, Трэвис? Пальцами?.. Да не злись ты, это я просто так напугана. (Девушке). Пальцами. Только осторожно! (Боясь даже вздохнуть).

Девушка. Алле! Фу!.. Получилось!

Тами (в телефон). Получилось. Что дальше?... Нет, времени завязать узел нет!.. (Девушке). Нужно что-нибудь клейкое, чтобы прихватить это место... (Слушает. Повторяет). Типа лака для ногтей. Прозрачного.

Девушка быстро идет к письменному столу. Перебирает пузырьки. Находит то, что искала, и возвращается к платью.

Он говорит, что если получится, стоит добавить складку, чтобы скрыть это место. Получится?..

Девушка, не удаивая ее ответом, следует указаниям Трэвиса.

(В телефон). Да, кажется, получится.

Девушка. Ну все, можно ее звать.

Кладет платье на канapé, берет несколько париков, садится в кресло и начинает, один за другим, причесывать их).

Тами (в телефон). Трэвис, ты спас мне жизнь, спасибо... Да, сейчас я ее позову...

Быстрым шагом входит Марлен. Ей пятьдесят три года. На ней шикарный пеньюар. В губах зажата сигарета, на голове круглый колпак. Войдя, она поправляет комбинацию, виднеющуюся в распахнутом пеньюаре. Ей трудно это делать, потому что в одной руке у нее вентилятор с волочащимся за ним шнуром.

Марлен. Где розетка?

Тами. Там, где лампа. Это Трэвис. Из Лос-Анджелеса.

Марлен бросает взгляд на лежащее платье и останавливается, словно споткнувшись. Она в недоумении. У Тами все замирает внутри, тогда как Девушка невозмутимо продолжает расчесывать парик.

Марлен (сухо Тами). Ты его примеряла?

Тами. Я?!.. Ты шутишь?!

Марлен склоняется над шифоном и что-то поднимет с него на подушечке пальца.

Марлен. Иди-ка сюда. (Тами подчиняется). Кашемир. От моего костюма. (Прижимает палец к пиджаку Тами). От этого самого, что я тебе отдала.

Тами (чуть слышно). Но платье, клянусь, я не приме... я только прислонила...

Но Марлен ее уже не слушает. Она ставит вентилятор на столик. Берет пепельницу. Идет к телефону. По пути обращает внимание на что-то в своем отражении в зеркале. Достает из кармана пинцет, поправляет бровь. Ее взгляд падает на лист бумаги, лежащий на столе.

Марлен. Что это?

Девушка. Окончательная программа.

Марлен. Не может быть. «Falling in love again» здесь стоит первой.

Девушка. Как договорено.

Марлен. Ни в коем случае! Дай мне мою, ту, которую я составила.

Девушка встает и идет передать ей другой листок, лежащий рядом с первым.

В самом деле. Но вот же стрелка, очень четкая, которая сверху переносит ее вниз. После "The Boys in the Backroom".

Девушка (возвращаясь в свое кресло). Я видела эту стрелку. Но она была зачеркнута. Немной.

Марлен. Нет, моя дорогая, стрелка не была зачеркнута. Зачеркнуто было то, что зачеркнуто.

Из забытой телефонной трубки слышны крики и свист.

Тами (чуть слышно). Трэвис Брэнтон. Он уже давно ждет тебя.

Марлен (беря трубку, Тами). А что ты не идешь к Руди?.. Или ты хочешь, чтобы он завтракал в полном одиночестве?

Тами. Он сам велел мне, чтобы я была с тобой. Что, может быть, я тебе понадоблюсь.

Марлен. Если понадобишься, я приду и сделаю тук-тук. Иди. Иди!

Тами выходит.

Марлен (Девушке). Кто там, она сказала?

Девушка. Трэвис.

Марлен (фыркает, но в трубку говорит сладким голосом). Смазливая мордашка, это ты?.. Не знаю, просто пришло в голову. А что? Тебе не нравится? Это же так мило.

(Девушке). Кто меня называл «смазливая мордашка»?

Девушка. Джон Джильберт.

Марлен (*Девушке, кивая на трубку*). Хотя этому больше подойдет «педераст». (*В трубку*). Ну конечно. Я считаю само собой разумеющимся, что ты не забыл о моей премьерке!... (*Неожиданно замолкает. Жестом просит Девушку дать ей парик, который та держит в руках. Надевает парик. Смотрит в зеркало. Замечает нечто на одной из лампочек на раме зеркала. Девушке*). Этот абажурчик едва держится. Будет время, поправь...

Девушка подходит к лампе и скручивает проволочку, которой крепится абажур.

(*В трубку*). Да тут одна нюня, которая мне очень близка, хотя я сделала все, чтобы она стала мне очень далека. (*Девушке*). Ну-ка подвинься. А то мне не видно.

Девушка (*отдергивает руку от лампочки*). Ах!

Марлен. Что случилось?

Девушка. Обожглась.

Марлен (*протягивает ей носовой платок и возвращается к телефонному собеседнику*).

Любовь моя, но какое отношение имеет твое искусство к этой дешевке для театральных актеров, объясни мне это! Твой мир там, на киностудиях. Ты гений, твое дело - творить чудеса, которые потом запечатлеет кинокамера. Твои работы служат тому, чтобы раздвигать безжалостно тесные рамки кадра. Все остальное оставь портным. Разве мне могло бы когда-нибудь придти в голову просить тебя сшить для меня пару тряпок, в каких я выступала бы перед людьми, сидящими за километр от сцены? Смешно. Если мне понадобится подобная вещь, я пойду к Шанель и куплю ее. (*Девушке, по поводу абажура*). Пока оставь, но если ты его заменишь, будет лучше. Спасибо.

Девушка возвращается к парикам.

(*В трубку*). Хочешь, я сделаю тебе приятное? Угадай, что сейчас на мне!.. (*Трет полый пеньюара о микрофон*). Узнаешь?.. (*Трет еще*). Правильно, пеньюар. Из тех, что ты сделал для меня тридцать лет назад... Как так?.. Нет, тридцать, любовь моя. Это было в сороковом, я хорошо помню. Меня как раз выгоняли из «Парамаунта». И из всех костюмов, которые я унесла после окончания съемок, эти пеньюары были первыми, за которые я должна была заплатить тебе. В некотором смысле они для меня знак заката... Нет, не Алчести... Ах-ах-ах-ах, и даже не Антигона. Ну же, не сдавайся, кто?.. Ну конечно! Ифигения, она самая!.. Так что видишь, я ношу тебя каждое утро. Ты доволен?.. (*Снимает очередной парик, требует следующий*). Мой муж?.. Здесь. А где он, по-твоему, должен быть? В апартаментах напротив моих... Да с Тами, разумеется. Вечная наложница... Нет, ни черта она ему не готовит! Двадцать пять лет живет с ним и, кроме бефстроганов, ничего не научилась ему делать... Да, несчастье, что тут скажешь. И то и дело грохается перед тобой в обморок... Я? Очень любезна... «Смотри, Тами, если ты только попытаешься...» - и бум, она уже на полу. Бедняжка совсем умоталась. Каждая ерунда вгоняет ее в панику... Беременна? Когда?.. В последний раз, когда ты ее видел? Не исключаю. Ее невозможно убедить прибегать к спринцеванию! Сейчас мы уже с этим смирились. Эта несчастная заменила менструацию абортами. И, как ты думаешь, кому приходится платить за них?.. Мне, конечно!..

Девушка бросает на нее яростный взгляд, злыми движениями щетки расчесывая висящий на руке парик.

Разговаривал с кем?.. С Руди? Когда?.. То есть тебя соединили с его комнатой вместо моей?.. Не один раз, а два?.. (*Девушке*). Теперь понятно, почему не проходят звонки? Эти недоумки там, внизу, слышат, что просят мисс Дитрих, а соединяют с кем? С моим мужем. Слово само собой разумеется, что я должна находиться там же, где он!

Девушка. Да уж, если у нас в семье с этим путаница, то вообрази, что в голове у гостиничного портье!..

Марлен (*берет в руки пузырек из стоящих перед ней, в телефон, другим тоном*). «Панкейк»... Трэвис... «Панкейк»!.. Вот название, которое я вчера никак не могла вспомнить!.. Пудра против морщин! Самое великое изобретение века после пенициллина! А ты знаешь, что после того, как мы станцевали вместе, Флеминг прислал мне свою первую культуру в пробирке? Я ему послала фотографию, а он мне свою плесень. Как у всех гениев, мозги работают только в той области, которая их интересует... Кстати, о телефонных звонках – это ужасно. Может, поэтому Джо не может дозвониться до меня?.. Нет! Как я это сделаю? Я даже не знаю, как теперь с ним связаться. Ты ведь слышал, куда он сбежал жить?.. Вглубь пустыни, в печку из стекла и стали. В Сан Фердинандо Валли... Жителей? Один. Он. У него нет занавесок даже в сортире! Говорит, что они не нужны. Его никто не видит, когда он сидит на унитазе... Согласна, что ужас, но ужас гения. Боже, как мне его жалко! А здесь? Все так запущено, облезло, банально!..

Стук в дверь. Девушка идет открывать.

Если бы ты видел этот театр!.. Повсюду красная драпировка и позолоченные колонны. Я говорю: ради Бога, уберите хотя бы колонны! А они: нельзя, мисс Дитрих, это не декорация, это элементы архитектуры, несущие конструкции. И с извинениями затыкают тебе рот этими «несущими конструкциями».

Девушка (*появляясь с корзиной цветов*). Господи, еще одна!

Марлен (*Девушке*). Цветы! Цветы!.. (*В телефон*). Как с Мэа Вест, ты помнишь?.. Что что? То, что цветы для меня оставляли перед моей грим-уборной, а она их воровала... Цветы, Трэвис, цветы!.. Ты что, спишь, что ли?.. Трэвис!.. Радость моя!.. Положи трубку, прежде чем упасть... Положи трубку... или это будет стоить тебе наследства... Трэвис!.. Положи трубку!!! (*Слушает, кладет трубку сама. Девушке*). Как мне позвонить в ресепшен?

Девушка. Красная кнопка.

Марлен (*нажимает кнопку на телефоне. В ожидании ответа прикуривает сигарету. В телефон*). Апартаменты мистера Зибера!.. Мисс Дитрих. И я звоню из апартаментов «Мессель». Моих, а не его!.. Превосходно, очень рада за вас, что вы понимаете разницу... Да, подожду. Только недолго!.. (*Нервно барабанит пальцами. Девушке*). Прошу тебя, поаккуратнее с париками!.. Я хочу, чтобы они блестели, и чтобы не было заметно, что они из искусственных волос. Я помню те, которые мне делали на студиях из натуральных волос, их покупали у сестер из итальянских монастырей. Так они никогда не тускнели!.. (*В телефон*). Тами, сокровище, вы что там, сношаетесь?.. Ладно, тогда дай мне Руди!.. (*Пинцетом дергает проволочку, которым Девушка только что закрепила абажур. Он свисает*). Я же тебе говорила, ты слабо затянула, не держится...

Девушка кладет щетку, подходит к зеркалу, снимает абажур и, вернувшись с ним на свое место, старается прикрутить проволочку.

Марлен (*в телефон, едва сдерживая ярость*). Папилейн... как дела? Хорошо спал?.. Я очень рада этому. (*Напрямик*). Скажи, кто-нибудь спрашивал меня по телефону этим утром, кто-нибудь звонил?.. Ах, звонил! Фантастика! Я могу узнать, кто?.. Нет-нет, я спокойна, я абсолютно спокойна... Трэвис, это я знаю, он мне перезвонил сюда. Еще?.. Ах, Любиш, как мило! Дальше?.. Ах-ах! Орсон, прелестно!.. Фриц Ланг, хорошо... Де Акоста, могла бы и не тратить время... Кирк... Брайн... Перес... Уалдер, вот дурак! Еще?.. Все?!.. Точно, больше никто?.. Ах, Джо! Еще звонил Джо!.. (*Глубоко дыша*). А теперь, Папи, ты должен мне объяснить, но не сразу, сначала подумай, ты родился таким

кретином, что, к сожалению, случается, или умышленно делаешь мне гадости!.. Ах, ты не понимаешь?.. Это почему же? Звонит Джо, и тебе не приходит в башку самое логичное, самое само собой разумеющееся, самое примитивное, что ты должен был бы сделать... Что? Ты еще спрашиваешь, что?.. Черт тебя подери, Руди... прилететь сюда с телефонной трубкой в руке не-ме-дле-нно!.. Да-да, с телефоном в руке!.. Что значит короткий шнур?.. Короткий шнур не может служить извинением!!!... Точь в точь, как с «несущими колоннами», одни извинения!... Что ты там бормочешь? Что ты сказал?..

Бледная, как полотно, входит Тами. У нее мокрые руки, одежда в мокрых пятнах.

Тами. Марлен, умоляю тебя на коленях, прекрати!.. Ему станет плохо, если ты будешь продолжать так с ним разговаривать!

Марлен (*сладким голосом, в телефон*). Ты плохо себя чувствуешь, Папилейн?.. (*Тами*). Ты права, он плохо себя чувствует. (*В телефон*). Ну, тогда отдыхай. Она принесла тебе бульон?.. Ну так выпей его! (*Тами*). Ты заставила его выпить бульон?

Тами. Да, но тут ты позвонила, он начал с тобой разговаривать, и случилось так, что он его немного пролил.

Марлен (*показывая пальцем на мокрые пятна на костюме Тами*). Вот это вот немного?

Тами. Он так разволновался...

Марлен (*в телефон*). Ладно, ладно, поняла... Отдыхай, позже я заскочу к тебе. (*Кладет трубку. Тами*). Понаблюдай за ним, чтобы он не потерял сознания во время сна. Если потеряет - умрет. Он на это способен.

Тами выходит.

Марлен (*импульсивными движениями намазывает крем на лицо*). Нет, ты только подумай! Нельзя больше говорить о Джо!.. Ферботен! Запрещено!... Когда Джо меня имел, никакой ревности... а едва прекратил, так при одном лишь упоминании о нем у него, видите ли, желудок схватывает! словно это раз плюнуть для меня - взять и перелистнуть страницу, все поменять... жизнь, работу, все, и никого рядом, кто сказал бы: я буду держать твою руку, Марлен!.. Этот гребаный гений! Бросать меня стало его хобби!.. Уже двадцать лет он так поступает. Двадцать лет!... Бывает, если баба – стерва... (*Резко, Девушке*). Я стерва?.. По-твоему, я стерва? Только правду!

Девушка (*успокаивая ее*). Нет. Абсолютно нет. (*Вновь старается закрепить абажур на лампу – видно, что это сложная операция*).

Марлен. Тогда объясни, почему другие с такой настойчивостью пытаются убедить меня, что это так?

Девушка. Завидуют.

Марлен. Нет! Это не зависть. Это злость других.

Девушка. Другие - это кто?

Марлен. Другие - это другие!.. Мир полон других. Набит ими под завязку. Набит народом. Ты знаешь, что такое народ?.. Народ - это дурные люди! Им достаточно одарить кого-то грошовой милостыней, чтобы вопить о себе на всех углах: смотрите, какие мы славные! Какие мы добрые! Я же, наоборот, если и претендую на что-то, то на самую малость... на железный ошейник... Стерва! Архи-стерва!.. (*Открывает флакон с духами, нюхает*). Корова!.. Ты была, когда корова рожала?..

Девушка (*вновь принимаясь расчесывать парики*). Нет, не была, но я знаю эту историю.

Марлен. Как я работала акушеркой на ферме?

Девушка. Да, ее.

Марлен. Бедному животному никак не удавалось вытолкнуть из себя теленка. Его там чем-то зажало. И только я быстро сообразила, что надо делать.

Девушка. Я знаю, я уже слышала это.

Марлен. В туфлях на высоких каблуках, в навозе по самые щиколотки... «Его защемило!»

Девушка. «Нужно масло! Нужно масло!»

Марлен. Правильно, нужно было масло!.. Какой халат на мне был?

Девушка. Атласный, персикового цвета. Только туфель на каблуке на тебе не было.

Марлен. Уверяю тебя, что туфли были.

Девушка. Были домашние тапочки.

Марлен. Черт подери, тебя же там не было, откуда тебе известно, что на мне было?

Девушка. Наиболее распространенная легенда рассказывает о тапочках из белого шелка.

Марлен. Туфли на шпильке! Я их оставила в дымящемся дерьме, когда бежала в дом, чтобы взять из шкафа бутылку с маслом. «Блю Грасс Фейшл Ойл» от Элизабет Арденн.

Девушка (*более чем равнодушно*). Огромную бутылку.

Марлен. Только откровенно, разве стерва на такое способна?

Девушка. Нет. Никогда.

Марлен. А потом назад, влить это масло в коровью задницу. Масло от Арденн за тысячу долларов в задницу коровы, ревущей от боли! Затем два мешка на копыта теленка - и давай тащить!

Девушка. Он за одну ногу, ты за другую.

Марлен. Да, по копыту на каждого. Он пыхтел как кузнечные меха, а у меня даже ни капли пота!

Девушка. В дерьме по самую шею.

Марлен. Раз, два...

Девушка (*бьет щеткой по парику*)... Та-щи!

Марлен. Раз, два...

Девушка (*повторяет жест*)... Та-щи!

Марлен. Раз, два...

Девушка (*повторяет жест*)... Тащи!

Марлен. Тащи! Тащи! Тащи!.. И он выскользнул наружу...

Девушка. ... блестящий и гладкий, как форель.

Марлен. Как форель, да!.. И горячий, как каравай из печи. Теленок, самый благоуханный из всех, кто когда-либо родился в Верхнем Тироле. (*Смачивает палец духами и проводит им несколько раз по шее*). Ты не находишь это забавным? Каждый раз, когда кто-нибудь тычется мне носом в ухо, он даже не может себе представить, что вдыхает запах коровьей задницы. (*Ставит флакон на место*). Тысяча долларов прекрасно потрачена. (*Поднимается, сильно затягивает пояс пеньюара*). Приготовь мне корсет. Этой ночью у меня немного опустилась грудь. Но сначала принеси мне Соваж. Я хочу, чтобы она была со мной.

Девушка выходит.

Марлен рассматривает себя то в одном, то в другом зеркале. Останавливается у самого большого, снабженного лампочками. Сосредоточенно думает о чем-то.

На пороге появляется Джо, одетый в светлый льняной костюм. В зубах большая сигара. Он выдувает облако дыма, оно распространяется по комнате.

Девушка возвращается с большой куклой в руках.

Марлен. Сюда, на туалетный столик.

Девушка освобождает место на столе и сажает куклу.

Напомни, чтобы вечером это зеркало перевезли в грим-уборную! А сейчас мне нужно два часа. Не больше. (*Глядя на Девушку в упор*). Что должна произвести Дитрих?

Девушка (*озадаченно*). Что?.. Ах, да!.. Сенсацию.

Марлен с довольным видом подмигивает Девушке, та исчезает во внутренних комнатах. Марлен выходит к рампе, представляя себя стоящей на сцене.

Марлен. Итак!.. (*Жестикулируя*). Дамы и господа... Ма-рлен... нет, нет!.. Сначала Ноэль!... Дамы и господа... Ноэль Ковард!.. Он выходит, вертя задницей, ударом каблука сбрасывает пальто с плеч и бла-бла-бла... «Даже троянская Елена в блесках кабаре не могла бы быть пленительнее нашей очаровательной... Марленах!» Как он это произносит: Марленах! Вау! Аплодисменты, поклоны... и выхожу я... Дамы и господа!.. И вступаю с “The Boys in the Backroom”... (*умолкает*). Нет-нет... она права, лучше начать с другой. Это будет, действительно, лучше. Намного лучше. По крайней мере, сначала я смогу кое-что объяснить. (*Принимает позу*). Гм... Дамы и господа!.. Я хотела бы начать с отрывка, который возвращает меня на де... на два... на много лет назад. Это было в тысяча девятьсот тридцатом году, когда великий режиссер Джозеф фон Штернберг, которому я сегодня посылаю мое самое теплое объ... самое пылкое объятие... когда он пожелал увидеть меня в главной роли в своем «Голубом ангеле»... Тут аплодисменты, я жду, когда они закончатся... Ах, да, не забыть капли глицерина... для слез... немного волнения никогда не повредит. И я вступаю с первой песней! (*Делает паузу и напевает «Falling in love again”*. Замолкает. С трудом выдвигает ящик письменного стола, который от этого шатается. Шатаются и звякают флаконы. Наконец, ящик поддается. Она достает оттуда металлическую фляжку. Отвинчивает пробку, пробка падает на пол. Не обращая на это внимания, делает большой глоток. Затем второй. Устанавливает фляжку среди кремов и духов. Досадливым жестом стягивает с головы парик.

Марлен. Джо! Джо! Сукин сын, где ты?

Джо (*из глубины сцены, очень спокойно*). Спой это на немецком.

Марлен. На немецком?

Джо. Иначе ты рискуешь, что они тебя даже не узнают.

Марлен. Ты так думаешь?

Джо. Натюрлих.

Теперь на сцене только два цвета: черный и белый.

Марлен. Почему ты исчез?.. Если б я не думала о тебе... не разговаривала бы с тобой...

Джо. Я тебе звонил. Сегодня. Рано утром. Меня соединили с Руди. Что я мог поделаться?

Марлен. Перезвонить. Это ты мог поделаться. Ты мне позвонил, но не перезвонил. Это как если бы ты вообще не звонил. Ты освободил себя от обязанности перезвонить. Большое спасибо.

Джо рассматривает парики. Выбирает пышный светло-каштановый. Протягивает ей.

Джо. Я не преследую тебя, ты ведь это знаешь.

Марлен. Врешь. Мефисто всегда преследует, всегда. Потому что душа его обречена на муки.

Джо. Эта роль давно отыграна. Сегодня максимум, что я могу сделать, это придти на помощь.

Марлен. И сбежать.

Джо. Ты можешь приехать. Быть от тебя вдалеке - не значит сбежать.

Марлен. Это значит забраться в задницу мира.

Джо. Поверь мне, в Фердинандо Валли есть своя прелесть.

Марлен. Это место - кладбище твоих демонов. Ты похоронил их там живыми.

Джо. Ты пьянеешь от малости.

Марлен. Мерзавец! Я вообще не пью.

Джо. Я должен был научить тебя и этому?

Марлен. Джо!..

Джо. Что, Марлен?..

Марлен. Как измерить величину страдания, о котором мы говорим, Джо?

Джо. Молча.

Марлен. Ты мне нужен, скотина! Ты мне нужен!

Джо. Я здесь. Вот он я.

Марлен. Что значит «вот он я»?.. Когда между нами пол земного шара!

Джо. И все-таки вот он я.

Марлен. Гадина, скажи, как мне жить? Я обделалась. Мне хреново, Джо!

Джо. Спой это по-немецки. В зале две тысячи мест. И всего один зритель. С двумя тысячами голов. В одном теле. Один-единственный зритель, который хочет того же, что все. Хочет этого прежде всего. Дай им это. Дай это двум тысячам, которые знают о тебе все.

Марлен. Что я должна им дать?

Джо. О-хо-хо!.. Ты меня обижаешь.

Марлен. В ноги кланяюсь: что?

Джо. Ты отрекаешься от меня?

Марлен (*бледная как мел*). То, что у меня между ног? ВАГИНУ?????

Джо. Именно. Именно этого они и хотят. Сначала этого, и только потом твоих песен.

Марлен. В черно-белом?.. Ты запечатлел то, что у меня между ног, в черно-белом, Джо. Впечатал во все мои черты. Ты смог бы сделать это опять.

Джо. Твой рот – это и есть то самое.

Марлен. Ты жесток.

Джо. Я Джозеф фон Штернберг, а не Оскар Уайлд. И даже не обожаемый тобою Ноэль Ковард. Пой на немецком.

Марлен. Было время, когда ты так не поступал со мной. Ты поддерживал меня.

Джо. Никогда перед. Всегда после.

Марлен. Ты меня соблазнял.

Джо. Заметь, никогда словами. Только кинокамерой.

Марлен. Это правда, Джо. И в этом вся драма. А теперь ты сложил оружие.

Джо. Пой на немецком. Как на наших съемках. Все нетрадиционалы сойдут с ума.

Марлен. Тебе нравились мои нетрадиционалы?

Джо. Воленс-ноленс. Я причислял себя к ним.

Марлен. Ты?!

Джо. Твоя доблесть - служить норой для педераста, который живет в каждом из нас. Даже в самых крутых бабниках. Даже в самых записных блядунах. Твоя промежность – ловушка, Марлен. Попадая в нее, никогда не знаешь, что там найдешь.

Марлен. Сердце. Только мое сердце.

Джо. Верно. Поэтому сегодня вечером твоего единственного зрителя с двумя тысячами голов и четырьмя тысячами рук ты превратишь в одного гигантского педераста, примчавшегося на роковую встречу со своим истязателем. (*Садится за пианино и наигрывает мелодию из «Голубого ангела»*). Ты помнишь Вернера?

Марлен. Вернера?

Джо. Двадцать три года назад. Берлин. Пианист Вернер аккомпанирует кандидаткам на главную роль в «Голубом ангеле». Ты среди них. Прекрасный пианист...

Марлен. А, такой симпатяга, да!..

Джо. Ты пришла с какой-то песенкой, которую он не знал. Вы пробуете и оба пускаете петуха. (*Изображает это на пианино*). Ты впадаешь в панику, и тогда я тебе говорю...

Марлен. «Играй»!!!

Джо. Да, играй! Не обращай внимания на то, что вы оба фальшивите, играй! И с того самого момента, как ты сделала вид, что все в порядке, я никогда больше не видел никого, кто сделал бы это столь искусно... Он был тот еще ходок, этот Вернер. Самый настоящий ходок. Всем ходакам ходок!

Марлен. Да, это было заметно невооруженным глазом.

Джо. А ты сделала из него ничтожество. Ничтожество у тебя на поводке. *(Подбирает мелодию "You're the cream in my coffee".)* Я попросил тебя: если он ошибется, реагируй. Я хочу почувствовать твою реакцию. Играй!.. Сигарета, Марлен! Сигарета!.. Ты закурила сигарету.

Марлен закуривает сигарету. Джо играет.

Помнишь, как ты стояла? Позади пианино, со скрещенными руками... Давай, встань, как тогда!

Марлен подчиняется.

Втяни побольше дыма. Сильно выдохни. Когда ты делаешь так, у тебя западают щеки. Исчезает округлость лица, и я впервые вижу твои скулы. Края лица погружаются в тень, и я начинаю понимать, что ты такое. Ты кладешь сигарету на край пианино... снимаешь крошку табака с кончика языка... смотришь направо, потом налево...

Марлен делает все это.

И начинаешь. Штернберг-Дитрих, 195, дубль три. Начинай!..

Марлен поет куплет, Джо аккомпанирует.

Улыбайся!.. Шире!.. Потаскушка... настоящая потаскушка!.. Смелее!.. И вот он ошибается...

Мелодия дает петуха.

Ты смотришь на него. Он испуган. Прекращает играть... А теперь взрыв ярости!

Марлен *(в ярости).* И это музыка?!.. По-твоему, это музыка?!

Джо. Берешь окурок и стряхиваешь пепел... нет, не так!.. Пепел на меня! То есть на него!.. На него!.. *(Продолжая играть).* Моргать, моргать... Ты так классно моргала!.. Вот-вот взорвешься... сбрось ноты, сожми кулаки... шаг вперед и кричи!..

Марлен. Что?

Джо. Что хочешь. Кричи!

Марлен. Твою мать! Ты здесь, чтобы работать, кретин! Если ты собираешься окунуть меня в дерьмо, я тебе этого не позволю, понял?!..

Джо. Стряхиваешь пепел!.. Втягиваешь щеки, и снова твои скулы появляются и исчезают!.. *(Проигрывает кусок).* Руки под подбородок! Руки под подбородок!.. Вот так. *(Он показывает грациозную позу, подпирая подбородок согнутыми кончиками пальцев).*

Марлен повторяет за ним движение.

(Вновь играет). Покачай головой туда-сюда.. Ух-ух, ах-ах... Первую строфу прошли. Теперь вторая. Вернер больше ничего не понимает. И в этом месте ошибается всерьез. *(Пускает петуха).* Сначала он делал это нарочно, а теперь нет... и пошел кулак!

Сказано - сделано. Марлен сильно бьет кулаком по крышке пианино, потом быстро заходит за спину пианиста и колотит кулаками по спине. Пианист с поникшей головой терпеливо все сносит.

Марлен. Ты, бездарность! Я прошу только об одном: следуй за мной... это-то ты можешь сделать?... Я что, просила тебя играть Бетховена? Это не Бетховен!.. И не дрожи ты так! Что ты дрожишь?... Даже ребенок смог бы это сыграть! Давай еще раз!

Джо. Вставай на табурет и садись на пианино.

Она делает это. Ногой выбивает диссонирующий аккорд по клавишам.

Снимай чулок, Марлен! Стягивай его!.. Не помнишь, как ты это делала?... Ты сделала это прямо перед его глазами. Фантастика! Вот так!.. Кто бы устоял, глядя на такое! Он - нет. Теперь руки на бедра, и марш вперед до самого конца.

Марлен, стоя, поет последний куплет. Музыка замолкает.

Великий солист, низведенный до уровня дебютанта. Крутой гетеросексуал, превращенный в голубого. (*Поднимается*). Добро пожаловать в мир кино, Марлен!

Марлен. Но в тот раз ты мне ничего такого не говорил. Только «играй!»

Джо. Я сидел в сторонке и думал: было бы отлично, если бы сейчас она сделала это или то, и ты это делала. Все, что я тебе дал, в тебе уже существовало.

Марлен. Ты конструировал меня по частям, а потом разобрал на части.

Джо. По твоей же прихоти. Не моей.

Марлен (*проходит вдоль ряда париков*). Мне тебя не хватает. И не только мне.

Джо. Ты говоришь о Катер?... Она подросла?

Марлен. Немного.

Джо. Не чересчур, надеюсь. Она была красивая девочка.

Марлен. Складненькая.

Джо. А что Руди?

Марлен. Бесплезно полезный. Как всегда.

Джо. А Тами?

Марлен. Сходит с ума. Понемногу.

Джо. Сочувствую ей. У нервных больных что подлинные, что мнимые страдания одинаковы. Они есть, и все тут.

Марлен (*берет его руку, проводит ею по своему лицу*). Твои скулы, чувствуешь их?... Ты высветил кости моего лица своими лучами, и они стали такими, какими стали.

Джо. Наследство, которое пришлось оставить другим.

Марлен. По твоей прихоти. Не моей.

Джо. Семь фильмов. Целая жизнь - семь фильмов. Ты считаешь, нам нужно было сделать их больше?

Марлен. Представь себе двух влюбленных, которые спрашивают друг друга: семь лет - нам нужно было бы прожить их больше?

Джо (*после паузы*). Спой это на немецком. Так будет лучше.

Входит Девушка. На ней больше нет белого фартука.

Девушка (*протягивая Марлен корсет*). Я попробовала 24-й номер. Он держит лучше.

Джо подходит к столику с флаконами. Кладет на блюдце, стоящее там, еще дымящуюся сигару и уходит.

Свет обрывает краски.

Марлен сбрасывает пеньюар и надевает телесного цвета корсет, который подтягивает ей грудь. Девушка ловкими, натренированными долгой практикой движениями зашнуровывает корсет. Помогает надеть шифоновое платье.

Марлен. Воткни вентилятор в розетку и подай его мне.

Девушка исполняет распоряжение.

Когда приедем в театр, напомни мне проверить, как они установили ветряки.

Девушка. Тебе так удобно? Нигде не давит?

Марлен (*расправляет грудь*). Хорошо, удобно. Ступай к ним. Только прежде, чем постучать, послушай. Если тебе покажется, что твой отец не занимается тем, что брюхатит Тами, позови его.

Девушка направляется к входной двери. Замечает крышку от фляжки, валяющуюся на полу. Смотрит на нее, качает головой, сует в карман и выходит.

Оставшись одна, Марлен принимается мерить парики. Выбирает один. Переносит вентилятор на кресло, отодвигает кресло вглубь комнаты. Включает вентилятор и встает перед ним с опущенными, слегка разведенными руками. Откидывает голову назад. Ника Самофракийская. Шифон парусом вздымается за ее спиной. Она рассматривает в зеркалах эффект ткани, облепившей ее спереди. Что-то разрушает магию. Замечает неполадку в платье. Снимает пинцетом каплю бесцветного лака, которым Девушка закрепила порванную нить, разглядывает ее.

Марлен. Катер!.. Катер!.. Что здесь случилось?..

Звонит телефон.

(Поднимает трубку). Джо! Джо, любовь моя! Наконец-то!... Если бы ты знал, сколько я о тебе думала!.. И раньше тоже... всегда... Мне даже показалось, что я чувствую запах твоей сигары!.. Подожди, сначала я спрошу совета. "Falling in love again"... как ты думаешь, будет лучше, если я спою ее по-английски или по-немецки?

Действие второе.

Берлин, 1960 год. Грим-уборная в театре. Слепое маленькое оконце, скорее отдушина. Поэтому свет только искусственный. На стенах афиши знаменитых классических опер, одна афиша - о концерте Дитрих. Афиша в раме. Но не висит, а стоит прислоненной к стене. Большое зеркало, похожее на то, что в первом действии, также обрамлено лампочками в металлических абажурах. В углу корзина, полная увядающих цветов. Вдоль стены длинная П-образная вешалка, на которой висят платья и костюмы. На первом плане – белоснежная туника, отделанная лебедиными перьями. На плюшевом кресле – цилиндр серебряного шелка. Столик захламлен: привычные флакончики, кисточки, щеточки, парики и т.д. Рядом с зеркалом в куче игрушек - большая кукла. У стены - выдавшее виды пианино. На крышке разбросаны в беспорядке ноты. Из-за двери доносится шум: идет монтировка декораций. Визг дрели, удары молотков, приглушенные реплики по-немецки.

В кресле перед гримировальным столиком сидит брюнет лет тридцати. Это – Барт. Он в плаще. Атлетическая фигура. Напряженный взгляд. Он курит, сидя спиной к зеркалу. На коленях - телефонный аппарат, у уха – телефонная трубка.

Барт. Нет, я не пресс-агент... И даже не адвокат... Какая ему разница, кто... Откровенно говоря, я не понимаю, зачем ему это... Что? Разве нужна специальная лицензия, чтобы потребовать дать опровержение?... Что?... Нет, я сказал, опровержение... Ах, так? Подождите минуточку... Я ищу!.. Минутку... *(судорожно листает страницы словаря, находит нужное слово и читает по-немецки)*... «дементиз»... или «дементис»... Еще раз?... Я уже четыре раза говорил тебе, как!.. Барт Бахарах! Меня зовут Барт Бахарах, я музыкант... Му-зы-кант! Мюзик! Мюзик! *(С яростью бросает трубку на столик, бежит к пианино и играет первые такты «Пятой» Бетховена. Затем вновь берет телефон).* Убедился? Успокоился?... Нет, он ошибается. А если он, действительно, сомневается, я подскажу, как снять сомнения. Проще простого. Я не знаю номера этого телефона, но ты найди «Шиллер Театр», позвони, попроси соединить тебя с грим-уборной мисс Дитрих, и услышишь, кто тебе ответит... Я! Я тебе отвечу! Я с тобой по нему разговариваю!

Звонок другого телефона. Внутреннего.

Айн момент, битте!... *(В другую трубку).* Да?... Фредди, ты где? На сцене?... Нет, стой там! Дай мне еще минуту!.. *(В первую трубку).* Извини, на чем мы прервались?... Ах, да, найди театр... Видимо, он ни хрена не понимает! Это больше в его интересах, чем в моих... Да, в его, и я ему могу объяснить, почему. Сегодня... *(берет газету и с трудом читает ее название)* «Берлинер Цой...»... «Цойтунг»... Я произношу так, как понимаю, я не знаю немецкого!.. Короче, ваша гребаная газета опубликовала на первой странице информацию, которую необходимо опровергнуть... Нет, никто вам не угрожает, напротив, именно поэтому я и говорю: пусть он позвонит, и мы обсудим это... Послу... Послушай... Да послушай же ты меня... Да, «Шиллер Театр»! Пусть он мне перезвонит, и мы это обсудим ... Не убежден в чем?... Вот если он не перезвонит, тогда я решу, что мне с вами делать. *(Бросает первую трубку и берет вторую).* Вот он я, что случилось?... А Джо Дэвиса там нет?... Как уехал? А кто будет заниматься светом?... Я?!.. Это шутка такая?... Марлен?! Марлен это сказала?... Нет-нет, уточни, она так прямо и сказала?... Ах, доверяет мне... И свет тоже... Нет, я хочу чтобы ты понял, я проделал путь от Нью-Йорка до Берлина не для того, чтобы устанавливать софиты. Я здесь потому, что она жаловалась на большое количество проблем со звуком, так?... Да если б была хоть одна, я ее нашел бы... Ты что несешь! Чиркни спичкой в кулисе, и будет слышно в ложе бенуара. Но потом она захотела, чтобы я попросил убрать два первых ряда кресел в партере, а то, видишь ли, главный прожектор не сможет сопровождать ее перемещения

по залу... Да, да, она меня! А когда увидела, что я не в восторге от ее поручения, повернулась и ушла. Украшенная перьями, словно ярмарочный торговец. Стукнула дверью и вышла вон... Что значит она права?.. Слушайте, да вы здесь все с ума посходили! «Она права!»...

Открывается дверь. Входит Катер, девушка из первого действия. Нитка жемчуга, закрытая синяя блузка, жакет в тон, рукава завернуты, коричневая юбка до колен, серые туфли. Прошло шесть лет, и это по ней заметно. Она выглядит более взрослой и усталой. Изменилась прическа.

Оба коротко здороваются.

Барт (в телефон). А то, что это проблема мистера Дэвиса, а не моя! Ты представляешь себе, что значит убрать два ряда кресел? Восемьдесят мест! Тебе кажется, что можно заставить их убрать восемьдесят мест?.. Понимаю, что не твоя проблема. Но и не моя...

Катер (складывая в стопки разбросанные ноты). Это проблема моего отца.

Барт (Катер). Руди?.. В каком смысле?..

Катер. Ему пришло в голову, что он уберет их сам, в одиночку.

Барт (в телефон). Фредди, пришла Катер, тебе привет. (Кладет трубку). Отлично, по крайней мере, разобрались, кому этим заниматься.

Катер. Скорее Тами, чем ему.

Барт. А причем тут Тами?

Катер. А он сунул ей отвертку в руки и этим вынудил ее откручивать кресла вместе с ним.

Барт (поднимаясь). Это их дела. Мученик и его рабыня. Каждому свое. Я в их дела не вмешиваюсь. (Смотрит на часы). Четыре. У нас в запасе пять часов. Пойду съем чего-нибудь. Вернусь к спектаклю.

Катер. Она будет искать тебя.

Барт. Пусть ищет своего электрика. Вот он, действительно, смылся.

Собирается выйти. Звонит телефон. Он не понимает, какую трубку взять. Берет обе. Тем временем Катер что-то ищет среди нот и бумаг.

(В телефон). Да?.. Ага, вы передумали. Так-то оно лучше... Ну, конечно, это я... Еще как готов. (Прикрывая рукой трубку, Катер). Этот тип из газеты! (В телефон). Пункт первый: это подлость - называть ее сегодняшней спектакль своего рода искуплением... Ничего и близко к этому! Я повторяю только то, что у вас написано: ис-ку-пле-ние... Нет, я не читаю по-немецки, но мисс Дитрих прекрасно знает немецкий.

Катер (выходя с бумагами). Спасибо, Барт!

Барт (проводив ее взглядом, в телефон). Так, дальше. Это не первый раз, когда она приезжает в Берлин, с тех пор как перебралась в Америку... Нет, ошибаетесь. Первый раз она была здесь в сорок пятом... Да, в форме армии Соединенных Штатов, да, и это было актом большого мужества, и настаивать сегодня, в шестидесятом, что этим она как бы отреклась от матери-родины, мне видится неприемлемым... Нет уж, будьте любезны, позвольте мне расценить это именно так!.. Пункт номер три!... (Снижая тон). Я буду вам признателен, если вы прекратите писать эти idiotские вещи, типа: «Последняя страсть Марлен Дитрих» с моей фотографией... Да, это я на фотографии, вы очень догадливы... Да, потому что это абсолютно не соответствует истине! Моя частная жизнь - это одно, а частная жизнь мисс Дитрих - совсем другое... Ее аранжировщик и ничего более... (Пытается объяснить). Ну, это тот, кто... кто... приводит в систему музыку. Аранжирует ее... Нет, я не знаю, какими еще словами вам это объяснить!.. Поищите в словаре: а-ран-жи-ров-щик.

Неожиданный шум заставляет Барта вздрогнуть. Он поворачивается к двери. Два носильщика только что внесли огромное зеркало и смотрят на Барта в ожидании указаний, куда его поставить. Барт машет рукой в сторону противоположной стены. Носильщики ставят зеркало, втыкают шнур в розетку, включают свет и выходят. В зеркале отражается Марлен, стоящая в коридоре. Она затянута в блестящее длинное пальто черной кожи. Воротник поднят, на ногах высокие боты, темные очки закрывают пол-лица, на голове косынка. С ней большая пухлая сумка и длинный плоский футляр из кожи, прямоугольный и твердый. Барт с очевидным смущением видит ее отражение в зеркале. Она, поняв, что ее заметили, снимает очки.

Барт (еще понижая голос). Так вот... извините... нет, просто тут был народ... Вернемся к тому, на чем остановились. Я работаю на нее и сопровождаю ее, когда это необходимо, и только... Бессмысленно придумывать что-то еще ... Что она сказала в Зальцбурге?.. Правильно! Что она мне обязана многим и если меня нет рядом, ей меня не хватает. И что из этого? Кроме того, что она довольна моей работой с ней? Повторяю, я только служащий на жаловании, и точка!

Марлен входит в комнату. Она вся мокрая.

Марлен. Ну и поливает сегодня!

Барт (в телефон). Да. И точка. Кажется, я все вам сказал. (Кладет трубку).

Марлен. Только в Берлине может быть такой дождь. (Снимает косынку. Ее натуральные тигриные волосы рассыпаются по плечам). Такое впечатление, что небо оплакивает послевоенные руины.

Барт (смущенно). Звонили из... из «Берлинер Ци...»... «Це...»...

Марлен. «Цайтунг». (Ставит на пол сумку и футляр.) Если бы ты только знал, сколько я всего накупила!

Барт. Мне показалось правильным, чтобы они напечатали опровержение. Я имею в виду эти истории с твоим американским паспортом, бегством из Германии и всем прочим.

Марлен (поворачивается к нему, держа в руке огромную ручную пилу, которую достала из футляра). Ну, разве не хороша? (Качает ее в вытянутой руке, словно язык дракона, производя этим странные звуковые эффекты).

Барт (защищая рукой лицо). Эй-эй!.. Это же... Где ты ее нашла?

Марлен. У одного точильщика на Брудерсштрассе. Она была в жалком состоянии...

Барт (отклоняясь от пилы). Убери ее с глаз долой, так будет лучше!

Марлен. Ты слышал когда-нибудь о Марго Лион?.. Королева берлинского кабаре в... в общем, еще до меня! Я отстегивала ей десять марок в час, чтобы она меня учила.

Барт. Чему?

Марлен. Играть на пиле. И я в этом преуспела. Я была фантастически хороша. Не исключаю, что сегодня вечером я опять смогу сделать это. Нет, ничего не говори! Ты сначала послушай меня, а потом решишь. Это твоя обязанность... я тебе плачу, ты сам сказал.

Барт. На этот раз могла бы сэкономить.

Марлен. Даже послушать не хочешь?

Барт. Ты же знаешь, любая неожиданность пугает меня.

Марлен. Но я это делала много лет!

Барт. Ты могла делать это много лет, согласен, но сколько лет назад?

Марлен (трогая его пилкой). Не так много, Барт... не так много.

Барт. Да, прости... Не так много.

Марлен (кладет пилу). Унтер Ден Линден по-прежнему прекрасна. И по-прежнему подрагивает, когда по ней идешь. До сих пор это чувствуется. Особенно в дождь.

(Начинает опустошать сумку). Я тут собрала неплохой обед!.. Немного не в графике, но сегодня вечером я очень поздно закончу, так что не помешает поплотнее перекусить заранее!.. *(Показывает ему)*... Тортик... это после. Наверняка ты сейчас думаешь: после чего?... Глупый! Не ломай голову. После этого *(достает из сумки пару судков, обернутых тряпкой)*. Борщ... *(Разворачивает еще один сверточек)*. С настоящим черным хлебом... Это прумперникль, вестфальский ржаной хлеб. Однажды Руди подали борщ без пумперникля... о, это целая история! Нет, я должна тебе ее рассказать!.. Речь не о Тами. Хотя она рыдала так, словно это была ее вина. Сколько тогда было Катер?.. Пять... нет, шесть лет. И она тоже жутко сердилась. Мы были в Париже. Прибегает шеф-повар, бледный как полотно. Говорит, что пекарь, который снабжал их хлебом, бедняга, именно в это утро потерял жену, умерла при родах. Мы сидим молча, замерли, а Папи: раз так, значит никакого пумперникля! Ах, как он великолепен в подобных ситуациях. По-настоящему великолепен... А почему ты в плаще? Давай снимай его!.. Ты что, действительно, собрался уйти?

Барт. Собирался. В кафе. Тебя все нет и нет.

Марлен. Виноват точильщик. Он посчитал своим долгом привести пилу в порядок и все никак не мог закончить. Хотя почему виноват? Он хотел, чтобы работа была хорошо сделана. *(Подходит к Барту и стаскивает с него плащ. Тот остается в смокинге. Заметно, что Барт ей нравится)*. Как ты. Ты ведь тоже стараешься делать свою работу как можно лучше. Поэтому тебе не должно быть неприятно, если я публично заявляю, что многим тебе обязана. Я неправа?

Барт. Что ты, для меня это большая честь.

Марлен *(возвращается к своей сумке)*. Здесь все. Как у настоящей хаусфрау... домохозяйки. Сколько я сюда понапихала!.. «Мозт и Шандон»... бокалы... столовые приборы... С бокалами мне повезло. Мне удалось купить только два, ровно столько, сколько нам нужно. А вот со столовыми приборами - меня заставили платить за весь набор. По-моему, когда я попросила бокалы, они меня еще не узнали, зато узнали потом, иначе чем еще объяснить, что продали, глядя на меня с ненавистью!

Барт. Должно быть, осиротевшие чада Гитлера.

Марлен. Я видела плакаты «Марлен, убирайся домой!»

Барт. Сейчас, когда выходила?

Марлен. Да, в витрине одного магазина. Там продают тазы, кастрюли, чайники... Ох, совсем из головы вылетело! В шкафу стоит твой термос, не забудь завтра взять его в самолет. Куриный бульон. Его приготовила я.

Барт. Спасибо, не умру с голоду в полете.

Марлен *(стягивает боты, остается в красивых белых туфлях. Снимает пальто. На ней белоснежный цирковой фрак и брюки. Воротник и обшлага фрака усыпаны стразами)*. Нравится? Этот костюм посвящен Катер... Я специально велела его переделать. Ей он безумно нравится. Это она подсказала мне отделать его стразами. Гениальная придумка, правда? На контрасте. Все белое, с мерцающими стразами. Пиф-паф!

Барт. «Джонни» ты будешь петь в этом? Или в платье из люрекса?

Марлен. «Джонни»?

Барт. Первая песня, которую ты поешь, «Джонни», и если ты выйдешь в таком виде...

Марлен. То что?

Барт. Одетой в мужское... Убьешь весь эффект игры с микрофоном!

Марлен. Наоборот! Это может выглядеть еще эпатажней.

Барт *(надевает ей на голову белый цилиндр и садится за пианино)*. Попробуем.

Марлен. Я, правда, не понимаю, какая разница, в чем петь.

Барт. Начинай! *(Ударяет по клавишам и тотчас останавливается)*. Рука!.. Подними руку, указывая на публику перед собой. Ты должна опередить их реакцию, не дать им перевести дух, пока они не зашикали. Поэтому я и хочу, чтобы мы порепетировали. Ты же знаешь, что случается, когда ты импровизируешь.

Марлен. Но я не импровизирую.

Барт. Еще как! Ты импровизируешь, постоянно меняя костюмы. И часто ошибаешься. Давай! Так, сначала!.. *(Проигрывает вступление)*. Здесь барабаны... правая рука вниз, левая вверх!.. Мягко зависает... медленно плывет по воздуху... до четвертого удара тарелки... тут музыка затихает, почти замолкает... ты вздыхаешь... да, так... теперь, на припеве, рукой ведешь музыку... как бы останавливаешь ее!... И ритм! Ритм!... Неслышный, но он есть!... И здесь вступает оркестр... весь состав... ты сосредотачиваешься, шепчешь в такт слова... используешь цилиндр... чуть нагибаешь его и опускаешь лицо, только лицо, словно скрываешь его!.. А теперь микрофон, Марлен!... Забудь, что на тебе брюки... веди себя как обычно, касайся его!.. Это же ты придумала, так делай это!

Марлен. Я?

Барт. Даже если не ты, делай это все равно!

Марлен. Что мне делать, Барт?

Барт. Ох, ты же знаешь, что! Делай это!

Марлен. Нет, я не знаю, что я должна делать.

Барт. Трогай его!

Марлен *(непрстойными жестами гладит воображаемый микрофон)*. Так?

Барт. Еще сексуальнее!

Марлен. Так?

Барт. Еще откровеннее!

Марлен. Я ласкаю его, Барт?.. Я сжимаю его?

Барт. Давай, давай! Не останавливайся!

Марлен. Я сжимаю его как что?

Барт. Пой.

Марлен. Как что?

Барт. Пой!

Марлен. Я хорошо его сжимаю?

Барт. Пой, черт тебя побери!.. Ласкай его и пой!

Репетиция продолжается и заканчивается на высокой эротической ноте.

Марлен. Слушай, а давай поедим?..

Барт кивает. Его голова низко опущена.

Марлен идет открывать бутылку с шампанским. Наливает вино в бокалы и расставляет посуду на куске ткани, которая служит скатертью.

Я тебя столь сильно разочаровала, Джонни?.. Я не достойна даже находиться рядом с тобой?

Барт поднимается и стоит спиной к зрителю.

(Смотрит на него чуть ниже живота). Ах, понимаю. Ничего страшного. Пройдет. *(Протягивает ему бокал)*.

Барт. И все-таки я не убежден, что петь это в брюках - то же самое, что в платье. Воздействует меньше. Ты вынудишь публику прилагать слишком много усилий, чтобы возбудить ее фантазию. *(Ест)*.

Марлен. Но эффект остается?

Барт. Пониженный.

Марлен. Понятно. Как скажешь.

Молча едят.

Барт. Почему все лампочки с такими абажурами?

Марлен. Чтобы защитить от осколков. Иногда они взрываются. Бум!... А я в это время могу смотреться в зеркало.

Барт. А почему они должны взрываться?

Марлен. Статистика: порой лампочки взрываются. А если сложить все время, которое я провожу у зеркала...

Барт. А что, с тобой такое уже случилось?

Марлен. Слава Богу, нет. Но лучше быть готовой.

Катер (*появляясь в проеме двери с красным лицом, явно сердитая на Марлен*). Мутти, ну что ты со мной делаешь?.. Я все нервы истрепала в поисках тебя!

Марлен. Я ходила немного прогуляться. Сядь, поешь.

Катер. Как это «сядь, поешь»?.. Сумасшедшие на улице пикетируют театр! В зале полно полиции!..

Марлен. Из-за тех, кто на улице?.. Если психи снаружи, то что делает полиция в зале?

Катер. Их пустил директор. Из-за Папи. Папи пытается разобрать партер. Только чудом полиция его не схватила.

Марлен. Вот это преданность! (*Делает глоток из бокала*).

Барт (*Марлен*). Джо Дэвис уехал, ты это знаешь?

Марлен. Конечно, я сама ему разрешила. Он разнылся, что завтра утром ему монтировать декорации в Париже. «Ладно, поезжай!» (*Засмеялась*). Тем более, раз ты здесь, он абсолютно бесполезен.

Катер. Барт... напоминаю тебе о «Flowers».

Бурт. Гм...

Марлен. Опять вы с этим занудством?.. Хватит уже. (*Отпивает из бокала*).

Катер (*Марлен*). Барт рассказал мне, как хотел бы ее сделать. Доверься ему. (*Уходит*).

Марлен (*напевает*). «Куда исчезли цветы? Куда исчезли цветы?»... Нье-нье-нье... Это не песня. Это доклад. Надгробная речь. (*Выпивает*).

Барт. Это баллада, Марлен. В театре баллада может выглядеть очень эффектно. Давай попробуем?.. Только попробуем!

Марлен. Давай помучаемся!.. Только помучаемся!

Барт (*садится за пианино, проигрывает первые такты песни "Where have all the flowers gone?"*). Начало – арпеджио... очень легкое... открытое... ты должна войти почти сразу... вот уже здесь!.. (*Интонирует*). Я представляю, что тут ты должна вздрагивать, словно от ударов кнута... поднимая голову все выше и выше! (*Интонирует*).

Марлен (*жестом заставляет его замолчать*). Этой ночью я занималась любовью с горничной.

Барт, капитулируя, убирает руки от клавиш.

Мы занимались этим как две отчаявшиеся лесбиянки. Она намного старше меня. Я хотела попробовать, каково это - заниматься любовью с женщиной старше тебя... Если хочешь знать мое мнение - это не так уж плохо, Барт. Нет, это вовсе неплохо.

Барт. В этом твое преимущество - в обладании столь разными ресурсами. У тебя их - достаточно.

Марлен. Это преимущество, если время от времени другая женщина делает все, чтобы доставить тебе удовольствие. И эта женщина старше тебя. Это как если бы ты мучился желанием вернуть себе точку опоры, какую утратил. В нашем языке есть слово «хаймат». Оно переводится как «родина», но значит гораздо больше. Принадлежность. Укорененность. Оно значит: я хотел бы быть тобою, пронизанным мною. Когда ты

сажаешь ветвь там, в лоне, которое тебя хочет, это и есть... хаймат. Или ты думаешь, это слишком в качестве гимна тому, что у нас между ног? *(Пьет)*.

Барт. Я предпочитаю думать о сегодняшнем вечере.

Марлен *(бросает бокал на пол, он разбивается)*. Тогда какого черта ты заставляешь меня пить?... Я поддаю на твоих глазах за несколько часов до спектакля, а тебе наплевать, тебе хоть бы хрен!.. Эй, служащий на жаловании!.. Тебе плевать или нет?

Барт *(очень спокойно)*. В какой-то степени плевать. *(Подходит к столу, берет бутылку, идет к корзине с цветами, выливает туда остатки шампанского, туда же бросает пустую бутылку)*.

Марлен. Это все?... Какой ты близорукий! Боже, какой ты близорукий!..

Барт обводит взглядом комнату. Подходит к флаконам, стоящим на гримировальном столике, открывает один, нюхает, выливает его содержимое в корзину.

Браво, чемпион!.. Все? Решил покончить с моим погребком?

Барт берет следующий флакон, нюхает и бросает его в корзину. Следующий. И еще один.

Признаюсь, мне нравится видеть, как ты стараешься спасти меня от меня же. Ты заставляешь меня чувствовать себя защищенной. *(Вырывает из его рук флакон)*. Э, нет! Это Кристиан Диор!... *(Сама берет и разбивает о пол два других флакона)*. По крайней мере, если я захочу опьянеть, мне будет достаточно только понюхать воздух! *(Крепко целует его в губы)*.

Барт отталкивает ее. Берет тряпку и начинает собирать в кучку осколки, рассыпанные по всему полу.

Представляю лицо Катер, если бы она увидела меня в таком виде!.. Хорошо, что она не заметила, что я ходила гулять под дождем в ее любимом фраке!.. Это сильно расстроило бы ее. Я, правда, хотела испортить его. Но, кажется, не вышло. Он теперь – моя кожа. Он пахнет моими двадцатью годами. Это самое настоящее проклятье - обнаружить, что ты неуязвима. Может быть, а почему бы нет, попытаться содрать с себя шкуру?... *(Кошачьим движением нагибается и вырывает тряпку из рук Барта)*. Что скажешь?... Содрать мне шкуру или просто снять?... Мне снять ее, Барт?..

Стоят лицом к лицу.

Что мне сделать, любовь моя? Снять?

Барт решительно запускает руку ей между ног. В ответ она бьет его кулаком в подбородок. Он отступает и плюхается прямо в лужу пролитого спиртного.

Барт *(потирая подбородок)*. Мне кажется, нам следует устранить некоторое несовпадение ритмов между нами.

Марлен *(опускается перед ним на колени с носовым платком в руке)*. А мне кажется, тебе нужно переодеться. От тебя воняет спиртным. Давай, вставай. Дай, я хотя бы вытру кровь.

Барт. Пожалуйста, прекрати изображать из себя заботливую мамочку!

Марлен *(отводит его руку, которой он пытается проверить, нет ли крови)*. Эй, красавчик-ковбой... только не говори мне, что боишься стать некрасивым... *(Промокает ему нос платком)*. Нет, крови нет... Лучше думай о том, что придет время бояться стать

старым. Сиди здесь. Будешь мне публикой. *(Встает, берет пилу, садится лицом к нему, ставя пилу между ног, сгибает ее дугой и играет, рождая печальные звуки)*. Кабаре... кафешантан... таверны... переодевания... одни и те же штаны для того, у кого есть член, и у кого его нет... один день - мой, другой - твой... белила на физиономии... моя церковь... да здравствует невеста!.. Александер Платц и все то, что осталось от города. Я такая, терпи меня такой, какая я есть. Выросшая в борделе в 883 квадратных километра. Ты в Берлине, Барт! В моем Берлине. Не в том, который режут на ломти словно апфельштрюдер, яблочный пирог, русские и американцы, англичане и французы. Мой Берлин – кропильница. Каждый приходит и сует в нее руку. *(Показывает ему ладонь руки, поцарапанную о зубья пилы)*. Вот кто здесь исходит кровью.

Барт подходит к ней. Отнимает у нее пилу, кладет в чехол. Берет ее руку. Дует на рану. Затем промокает платком, который она ему дала.

А ты знаешь, Барт, что ты первый после Джо?.. Никто не научил меня большему, чем вы. Оба. Он - тому, как вести себя перед кинокамерой, ты – на сцене.

Барт. С тобой это не составляло никакого труда. Ты способная ученица.

Марлен. Меня бесит то, что я знаю, насколько ты талантлив. И меня бесит то, что скоро об этом узнают все вокруг. И еще меня бесит то, что я испытываю бешенство от этих мыслей. *(Берет из коробки несколько таблеток)*. Кортизон... для голосовых связок. *(Проглатывает)*. Посвящаю тебе. Для Джо я капала в глаза капли, чтобы расширить зрачки... Когда Джо увидел, что я из-за этого почти ослепла, он взвился: если ты хочешь, чтобы твои глаза выглядели на экране более черными, достаточно сказать мне об этом, это моя забота, я сменю линзу на камере, и все!.. Достаточно сказать это, Барт... Если хочешь, я увезу тебя на Бродвей. Хочешь?

Барт *(отходит и садится в кресло)*. Марлен... я только что приехал с Бродвея. Вчера вечером я еще был там, и завтра буду опять.

Марлен. Не смей меня!.. Чтобы работать бутафором?

Барт. Почему бутафором? Мы замыслили мюзикл с Халлом Джэвайдом.

Марлен. О-хо-хо!.. Они замыслили!.. Философы!

Барт. У нас уже есть агент, Марлен.

Марлен. Ну надо же! У них есть агент! Какой-нибудь разбогатевший меховщик. Я таких знаю. Пошли его в задницу! Я тебе предлагаю серьезную работу.

Барт. Мы дебютируем в сентябре.

Марлен. Я лучше знаю, какой агент тебе нужен! Пробивной и авторитетный. Чарльз Фельдман. Это мой агент! Он занимается только мной. Но возьмет и тебя.

Барт. Твой Фельдман в Лос-Анджелесе, а я дебютирую в сентябре.

Марлен. Он поймет в мгновение ока, как высоко он с тобой он взлетит!

Барт. Кастинг практически уже закончился.

Марлен. Что ты несешь?.. Не понимаю. Я тебя не понимаю!..

Барт. Премьера в сентябре.

Марлен. А у нас премьера сегодня вечером!.. Замолчи, болван, замолчи!..

Барт. Тебе-то от этого никакого вреда. Я просто хочу, чтобы ты это знала.

Марлен. Посредственность!.. *(Надевает очки)*. Спасибо тебе за них. Они отлично помогают сохранять инкогнито!.. Потому, подозреваю, ты и носишь их здесь, не снимая... Мысль о том, что кому-то станет известно, что ты здесь со мной, приводит тебя в ужас.

Барт. Но я всегда их ношу!

Марлен. Нет, мой дорогой, по дождливому Берлину не ходят в огромных черных очках от солнца, словно по Палм Спрингс! Обручальное кольцо на пальце и то меньше бросается в глаза. *(Открывает склянки с кремами и лосьонами. Пытается гримироваться, но руки ее не слушаются. Ее жесты неточны и судорожны.)* Не

получается! *(Смотрит на него в надежде, что он поможет. Невероятно, но он не трогается с места)*... Барт, у меня, серьезно, болят руки!

Барт. Я вижу.

Марлен. Мне тяжело гримироваться!

Барт. Подожди Катер.

Марлен *(с трудом продолжает свои попытки)*. А как чувствует себя твоя негритяночка?

Барт. Кто?!

Марлен. Твоя негритяночка.

Барт. У меня нет никакой негритяночки.

Марлен. Ходят слухи.

Барт. Ты все это выдумала.

Марлен. Как и ты - твой дебют.

Барт. Я пришлю тебе статьи.

Марлен. В сентябре?.. Видимо, если мы не займемся любовью, я тебя потеряю. А учитывая, что тебе не нравится спать со мной, к сентябрю все будет мертво и похоронено. *(Допивает капли шампанского, оставшиеся в неразбитом бокале)*. Правда в том, Барт, что все сводится к одному слову. Только к одному.

Барт. Да? И к какому же?

Марлен. Напряги воображение.

Барт. Сдаюсь, у меня не получится.

Марлен. Одно. Всего одно слово.

Барт. Если хочешь, скажи его сама.

На пороге возникает Катер. Морщится от запаха.

Катер. Что здесь случилось?

Марлен. Небольшой инцидент. Как там наверху?

Катер. Не хватает нескольких пюпитров, но скоро донесут. Что касается первых рядов, увы, ничего нельзя сделать.

Барт. Вы слишком поздно попросили. Может, если бы договорились раньше...

Катер. Барт, ты весь мокрый. Сходи к костюмерам, они высушат тебе одежду.

Барт. Не стоит. Я все равно останусь в кулисе.

Марлен. В самом деле? Вот это подарок! То есть если я повернусь, то увижу тебя?

Катер *(Марлен)*. Ты ... погладить тебе костюм?

Марлен. Может быть, позже. А почему ты спрашиваешь?

Катер. Я хотела узнать, есть ли у меня часок, чтобы сходить в гостиницу. Тами и Папилейн уже ушли.

Марлен. Ну, конечно, сокровище, иди отдохни. У тебя усталое личико.

Катер *(Барту)*. До встречи в кулисе. *(Уходит)*.

Сверху доносятся звуки настраивающегося оркестра.

Марлен. Она переживает. Не знаю, почему, но переживает.

Барт. Ясно, почему. Она сказала это. Синдром кулисы.

Марлен. Но она может делать все, что захочет!

Барт. Да... но забота о тебе...

Марлен. Значит, это именно то, чего она хочет. В противном случае она бы не развелась. Ты знаешь, что когда мы увиделись с ней после развода, она просилась спать со мной в одной кровати и спала почти два месяца?

Барт. Я этого не знал.

Марлен. И все время норовила ласкать меня.

Барт. Марлен, прошу тебя!

Марлен. Я ее понимаю. Нелегко справиться с признательностью тому, кто оплатил твой бракоразводный процесс.

Барт. Дай ей жить своей жизнью! У нее уже другой муж и двое детей.

Марлен. У кого?

Барт. У твоей дочери двое детей.

Марлен (*прислушиваясь к звукам оркестра*). Тсс!.. Ты только послушай!..

После настройки зазвучал знакомый мотив «Lili Marlene».

«Уходи домой! Уходи домой!»... Барт, мы в Германии, и что они репетирует первым номером?!.. Это! (*Слушает*). Ох, Барт... твоя оркестровка просто волшебна!.. Каждый инструмент дарит мне жест!..

Барт идет к пианино. Подыгрывает оркестру. Марлен, сидя в три четверти у зеркала, откинув голову на спинку кресла, допевает куплет до конца. Тишина. Видно, что Барт взволнован.

Марлен (*глядя на него*). Шестидесятилетняя.

Он с недоумением смотрит на нее.

То самое слово. Шестидесятилетняя. Ключ ко всему.

Барт (*не глядя на нее*). Мне неприятно, когда меня называют твоей страстью. Но когда говорят «любовник», мне нравится.

Марлен. Спасибо. Жаль, но песня закончилась. Мне стоило бы спеть ее вновь хотя бы для того, чтобы заставить тебя опять пережить то, что ты пережил сейчас. Ненадолго. Есть вещи, которые не длятся.

Барт. «Любовник»... мне нравится...

Марлен. Может быть... если бы ты закрыл глаза. Если бы сделал все, то я...

Барт (*отрицательно качает головой*). Это было бы как... планировать мучение...

Марлен. Чье?

Барт. Не дави на меня...

Марлен. Чье?

Барт (*через силу*). Твое.

Марлен. Ура!.. Ты это произнес. И не побоялся показаться таким, какой ты есть. Для этого нужно мужество!.. Ты не испугался рискнуть, потому что знаешь меня, знаешь, что я ценю откровенность. Молодец!.. А с Энджи Дикинсон?.. С ней у тебя как?

Барт. Марлен, черт тебя подери, можно узнать, что ты от меня хочешь?.. Сначала негритянка... Бог знает, откуда ты это взяла, у меня никогда не было негритянок, и даже если бы были...

Марлен. Но я больше не говорю от негритянке, Барт, я говорю о блондинке.

Барт. Хорошо, согласен... блондинка! Мир полон блондинок, ты не заметила?

Марлен. Эту зовут Энджи. И сразу их количество уменьшается. А Энджи Дикинсон я и вовсе знаю среди них только одну. Так как у тебя дела с ней?

Барт. Прекрасные ноги! Вот как у меня дела.

Марлен. Хорошо, что у нее их две, так, во всяком случае, вы можете разделить их между собой, каждому по одной.

Барт (*подскакивая*). Не понял.

Марлен. О, Бог мой, я имею в виду тебя и Фрэнка Синатру.

Барт. Нечего делить, дура!

Марлен. А что ты так бесишься? Разве я сказала бы тебе это, если бы она мне не сказала, что тебе сказала об этом сама?

Барт (*швыряет табурет в стену*). Что ты хочешь от меня?! Чего тебе надо?!..

Марлен. Хороших манер, Барт. Я хочу слишком много?

Барт. Хороших манер?.. Знаешь, что я тебе скажу? Не суй свой нос в мои дела!

Марлен. Прекрасный ответ!

Барт. Ладно, тогда поговорим о моей гонорее.

Марлен (*театрально заламывает руки и поднимает глаза к потолку*). Эй, там, в оркестре, ради Бога, сыграйте ее еще раз!

Барт. Ты не знала, что у меня была гонорейя? Как у Шевалье. Как у Ремарка.

Марлен. Если так, то значит и у Гарбо.

Барт. Ведь это твое объяснение любой несостоявшейся любви: гонорейя.

Марлен. К сожалению, она распространена. Я в этом не виновата.

Барт. Виноват я!.. Говори обо мне, Марлен!.. Я! Ты веришь? Ты, правда, в это веришь?.. Что у меня была гонорейя? У меня?..

Марлен (*вновь поднимает голову к потолку и громко кричит, словно ее могут услышать в оркестре*). Сыграйте ее еще раз!.. Сыграйте «Лили Марлен»! (*Пауза. Громче*). Маэстро!.. «Лили Марлен»!!!

Пауза. Начинается музыка. Марлен поет первый куплет. Умолкает. Снимает фрак и отбрасывает его в сторону. Закуривает сигарету. Музыка продолжается. Марлен идет к двери. Закрывает ее и прижимается к ней, как в известном кадре из «Шанхайского экспресса».

Марлен. Мне так хотелось бы иметь грим-уборную, похожую на ту, что была у меня в «Голубом ангеле»! Ах, как я по ней скучаю! Она, действительно, была превосходна. Для наложения грима. Для переодевания. Для того, чтобы заниматься любовью. А здесь нет. Здесь мы должны запирать дверь на ключ.

Они стоят друг перед другом. Как два зверя, готовые наброситься друг на друга. Рукой за спиной Марлен поворачивает ключ. Звучит мелодия «Лили Марлен».

Гаснет свет.

Действие третье.

Торонто, 1975 год. Огромный гостиничный номер. У стены, декорированной изысканными обоями, привычное большое зеркало с лампочками, защищенными металлическими абажурами. Рядом с зеркалом несколько черно-белых фотографий в рамках. Мужские лица. Фриго-бар. Телевизор. Обычный лес флаконов и других емкостей вперемешку с горой лекарств. Они повсюду, даже на полу. В углу одиноко стойка для переливания крови. Одним словом, единое пространство тройного назначения: гостиничный номер, грим-уборная и больничная палата. В вазах цветы, то ли от поклонников, то ли входят в стоимость номера. У стены - широкая кровать под покрывалом из желто-охристого атласа, поверх него лежит Марлен. Ей 75. На ней золотистый парик. Она в красивом кимоно, из-под которого выглядывает край знаменитого «угря»: сценического костюма из люрекса с солнечным отблеском. На шее дивы - брильянтовое кольцо. Губы ярко покрашены, щеки – две темных борозды. Брови нарисованы высоко над глазами. Рядом с ней на кровати кассетный магнитофон, коробки с кассетами, несколько фотографий в рамках и большая кукла Саваж. Чулок только на левой ноге. Правая нога, торчащая из-под одежды, голая, обезображена обширным отеком.

Кроме Марлен в комнате еще два человека: рядом с зеркалом сидит Барт, в таком же плаще, что был на нем во втором действии, и в тех же темных очках. В глубине комнаты, в кресле - Тами. На этот раз на ней белое платье, какие носят в больничных приютах. В руках у нее клубок шерсти, она разматывает его, распутывая узелки.

Марлен перебирает кассеты. С трудом вчитывается в надписи на коробках. Помогает себе очками, которые подносит к глазам, не надевая их. И, как обычно, курит.

Марлен. 8, 9, 10... Концерты... Синд... Сидней. (Вставляет кассету в магнитофон). Если бы не было названия... надо писать названия, иначе как разберешь, где что?... (Тычет пальцем в кнопки. Ошибается. Включается радио. Передают новости. На французском). Это еще что такое?... (Нажимает на другую кнопку. Раздается треск. Зовет). Катер!.. Катер!... (Сильно бьет по магнитофону кулаком). Здесь говорят по-французски! Ты можешь мне сказать, куда нас занесло?.. Третьего дня мы были в Нью-Орлеане?.. Концерт в Нью-Орлеане!.. Я же уже выступила! Мы что, вернулись в Европу?.. Катер!.. Разве послезавтра мы не должны быть в Далласе?.. Разве мне не предстоит петь в зале конгрессов?.. Боже, кто бы знал, как я ненавижу такие залы... Что мне нравится, так это «Масоник Тэмпл»... И «Феста Палас» в Мехико. (Подтягивает к себе куклу. Подносит к лицу, словно собирается ее поцеловать. Но нет, откидывает ей голову и пьет). В Толедо!.. «Масоник» – в Толедо. Толедо, штат Огайо... А Сидней - нет... Я его хорошо запомнила, этот Сидней... Это ведь там была твоя подруга, которая помогала мне спускаться с лестницы так, что я упала, а она исчезла... Как Стэнли!.. Ты помнишь этого типа, похожего на гангстера с палочкой в руке?... (Изображает дирижера). Та-та-та-та!... В Мэриленде... Да, это было в Мэриленде. (Роняет пепел где попало). Я, сияющая, кланяюсь публике, а он хватает меня и тянет в оркестровую яму... И ты, бедняжка... Сколько же я заставила тебя поездить!... Или нет, в Мэриленде тебя не было. Тот вечер, когда я была в Мэриленде, ты провела в своем доме с Биллом и со всеми остальными, а я в то время страдала, как животное. Нет, ты, конечно, права, когда говоришь: у меня своя семья, я должна заботиться о ней. Ради Бога! Каждый делает свой выбор. Я тоже... я же не отрицаю, что сделала свой. Разве я позволила бы себе хоть раз покритиковать тебя за то, что ты захотела немного независимости?.. Это гуманно. Конечно, трое детей! Только давай не будем путать независимость и манию. Нет, если тебе нравится все время ходить с пузом... Это ты называешь независимостью? Ну и называй. Я добрая... я сижу в своем углу и максимум, что могу себе позволить по

отношению к тебе - высказать пару-тройку банальных замечаний. Но это уже мои дела. Если тебе нужна моя помощь, я помогу, но потом... в тень!

Барт. Синдром кулисы.

Марлен. Катер!.. Знаешь, как Барт это называл?.. Синдром кулисы. Имея в виду тебя. *(Прикуривает новую сигарету от окурка предыдущей)*. Ах, как он ошибся!.. Ты-то абсолютно свободна. А твоя мать? Посмотри на нее! Вот у кого синдром кулисы. Все время страдать за других. Служить всем и вся. Бедняга Барт, он мерил все на свой аршин... Он был славный мальчик. Все у него получалось. Господи, сколько дел он смог бы сделать!..

Барт. Я жив, Марлен. Я еще как жив. Я далеко от тебя, но я жив.

Марлен *(Барту)*. Разумеется, ты далеко. Все время в бегах. Туда-сюда. В постоянной погоне за «Оскаром». Занятие для жополизов.

Барт. Я работаю.

Марлен. Можешь мне об этом не говорить... Со своей негритяжкой. Я знаю. О, как ты выходил из себя, когда я только осмеливалась упоминать о твоей негритяжке!

Барт. Это моя певица, а не моя негритянка.

Марлен. И уже очень давно!.. Хочешь сказать, что нашел себе певичку и не постарался сделать ее своей негритяжкой во всех смыслах? Я тебе когда об этом говорила?

Барт. Когда ты мне о ней говорила, я ее даже не знал.

Марлен. Ты сказал, что далеко отсюда? Вот и закрой рот. *(Делает большой глоток)*.

Барт. Я тебя раздражаю?.. Нет проблем. Это так просто. Прекрати думать обо мне, и я исчезну.

Марлен. Не прекращу! Смирись с этим, не прекращу. Я вас удерживаю всех... всех! Знаешь, как поступают с собаками?.. Им плюют в рот, чтобы заставить их почувствовать волю хозяина, и они преданно жмутся к ноге. Вот! Так и я плюнула вам всем в рот, и вы все сдались!.. Как в том запутанном рассказе, который так прекрасно заканчивается... в нем говорится о снеге, который идет, идет и засыпает все... всех живых... и всех мертвых. Мне его читал Джо. И я такая же, как этот снег, который падает и падает. И все то, что я покрываю, я уже никогда не теряю. Кто мне нужен, того и зову, и если зову, он приходит!.. Живой или мертвый, не имеет разницы. *(Перебирает фотографии, лежащие рядом)*. Вот Жан... он живой, если мне надо, я его зову!... Хемингуэй... умер, если он мне понадобится, я и его позову!... Эдит... умерла, если захочу, она будет здесь!.. Кари, живой... и его я могу позвать, если понадобится!... Джо... умер... я часто его зову!.. *(Откладывает фотографии)*. Знаешь, кто будет сегодня в зале?

Барт. Юл Бриннер, знаю.

Марлен. Он жив. И он, действительно, будет. Глупый! Ему мало того, что я продолжаю воображать себе его, нет, ему надо присутствовать лично. Какая тоска, он поднимется ко мне на сцену, уж это непременно. А ведь он старый. Много старше меня.

Барт. Нисколько он не старше тебя.

Марлен. Он не был таким, когда я с ним познакомилась, но с тех пор прошло много лет! И ты хочешь сказать, что он не стал старше меня?.. Со всеми такое случается. И с тобой тоже случится, вот увидишь!.. Сначала вы смиряетесь со старением, а потом и со смертью. *(Показывает на Тами)*. С ней случилось. Она умерла. Умерла, но продолжает нудеть. При жизни она была крестом Руди. Умерев - моим. *(Пьет)*. Тами, голубушка... что ты собираешься делать с этим клубком?

Тами. Мне его дала Катер.

Марлен. Тебе его дала Катер... Десять лет назад тебе его дала Катер, а ты до сих пор находишь узлы, которые надо развязать.

Тами. Тебе так кажется, потому что каждый клубок, который я разматываю, имеет ту же форму, что и другие.

Марлен *(Барту)*. И мы не должны были запереть ее в психушке, по-твоему?

Быстрым шагом входит Катер. На ходу снимает пальто, бросает его на стул. В руке у нее пакет. Она постарела на пятнадцать лет, но выглядит оптимистичной и энергичной. Может быть, потому, что природа матери взяла в ней верх над ее собственной.

Катер. Я нашла и «Дарвон», и «Торазин».

Марлен. Здесь Тами.

Катер, Прекрасно. Приготовься, сейчас я сделаю тебе укол.

Марлен. Здесь также Барт. Поздоровайся с Бартом. *(Подмигивает Барту, который отвечает ей улыбкой).*

Катер *(готовит шприц).* Я читала в газете, что он в Лос-Анджелесе. Записывает второй диск с Ворвик.

Марлен. А-а, с этой негритяжкой.

Барт. Я предпочитал слово «негритяночка».

Марлен *(Барту).* Но она ведь постарела. И это ей больше не идет.

Катер. Давай, ложись поудобнее!

Марлен. Мне раздеваться?

Катер. Нет, ты же знаешь, мне нужна только лодыжка. *(Устраивает подушку под больную ногу матери).* Это лекарство для кровообращения, разжижает кровь. Потом я тебе надену чулок, и начнем операцию «туфли».

Марлен. Только не торопись. В прошлый раз было ужасно.

Катер. В какой прошлый раз?

Марлен. В Чикаго.

Катер. Мутти, в Чикаго мы были два года назад.

Марлен. Во всяком случае, не сегодня и не вчера. *(Сжимает зубы, когда дочь вводит иглу и лекарство. Тишина).* Сколько будет действовать?

Катер. Долго, как обычно. Поэтому доза небольшая.

Марлен поднимает руку, словно ища поддержки у Барта.

Барт *(поднимаясь и снимая очки).* Мне нравится быть воображаемым тобой. Когда ты делаешь это, я сразу чувствую. Это словно маленькая вспышка... «Марлен думает обо мне». Я тоже часто тебя вспоминаю, но ты никогда не приходишь ко мне.

Марлен. Вспоминать - это одно, а звать - совсем другое. Я зову тебя.

Барт. Понятно. В следующий раз научи меня этому. Сейчас я спешу.

Кладет очки в кучку вещей на туалетном столике и уходит.

Катер извлекает иглу. Марлен, погруженная в свои мысли, растирает место укола. Катер отходит положить шприц на стол.

Марлен *(кивая на магнитофон).* Мне не удалось заставить работать эту проклятую железяку!

Катер. Я же оставила тебе на тумбочке бумажку с инструкцией.

Марлен. Ох, там так мелко написано!

Катер. Я о другой. О той, что я написала.

Марлен. Я включила, а там говорят по-французски.

Катер. Ты включила радио.

Марлен. Понятно, что радио. Хочешь сказать, что только ты догадалась, что это радио? А где мы сейчас?

Катер. В Торонто.

Марлен. В Торонто, я поняла! А в Торонто где?.. Вы придете отвезти меня?

Катер. Не придем, а приду. Нам никуда не надо ехать. Концерт здесь, в зале «Павильон» этой гостиницы.

Марлен. Гостиницы?!

Катер. Мутти... вот уже полтора года, как мы подписываем контракты только с гостиницами. И полтора года, как ты не можешь переезжать из твоего номера в театр далеко от гостиницы.

Марлен. Я знаю. Просто хотела уточнить.

Катер. Каждый раз я должна объяснять тебе все сначала!

Марлен. Задний ход. Я вообще не понимаю, как ты решилась предложить мне это!

Катер. Причем здесь я? Это они пригласили тебя, а ты согласилась.

Марлен. Не верю... Слушай, ноге, кажется, намного легче!

Катер. Вот и отлично.

Марлен. При этом ничего никогда не принимается в расчет. Ни лишения, которые я терплю, ни унижения, которые я переносу!

Катер. Не такие уж и лишения. Согласись, что ты делаешь это так же для себя.

Марлен. Большое удовольствие выступать для туристов, сидящих за столиками!

Катер. Но ты-то на сцене! Живи и радуйся!

Марлен. Ради всего святого, к чему этот тон неудавшейся актрисы?

Катер. Большое спасибо.

Марлен. Я не имела в виду, что ты и есть она. Просто не говори со мной таким тоном.

Катер не отвечает. Начинает собирать в кучку лекарства.

Если я тебя обидела, прости... Можешь в ответ обидеть меня.

Катер. Никаких обид. Я готовлю тебе лекарства на вечер. *(Продолжает свои действия).*

Молчание между ними длится несколько секунд.

Тами. Сколько десятков лет вместе!.. Сколько десятков лет, спрятавшись за дверью напротив твоей!.. Постоянно в страхе! Влюбленная в Руди, но не любимая им и не любимая тобой! Десятками лет зажатая в этот капкан!

Марлен *(стараясь, чтобы не слышала Катер).* Не надоело? Сколько можно нудить одно и то же?... Прекрати это! Ты его любила, а я велела ему любить тебя, чего ты еще хочешь?

Тами. Я любила обручальное кольцо, с которым ты его похоронила. Он был твоей вещью. Десятки лет я любила мужчину, который был твоей вещью. Ты меня заставила жить этой ужасной жизнью, и я ею жила.

Стук в дверь. Голос: «Мисс Дитрих... до вашего выхода двадцать минут...»

Катер *(не отрываясь от своего занятия).* Двадцать минут, мутти.

Марлен *(Катер).* Да, я слышала. *(Тами).* Так я тебе и поверила!.. Не строй из себя Бог весть что, потому что все не так. *(Пауза).* Какой дурак придумал, что, умирая, человек становится умнее? Да нисколько!.. Ты какой была, такой и осталась. Невежественной. Ни то, ни се.

Тами. Только страха меньше. *(Встает и кладет клубок на стул.)*

Марлен. Унеси его отсюда.

Тами уходит.

Марлен *(хрипло кричит вслед).* Унеси его вон, кому я говорю!

Катер. Хочешь, я помогу тебе с гримом?

Марлен. Ах, ты моя сестра милосердия!.. Сама.

Катер. Ладно, сама так сама. *(Идет помочь ей подняться. От этой помощи Марлен не отказывается).*

Марлен *(встав на ноги).* Видишь, еще могу! *(Поддерживаемая Катер, подходит к зеркалу).* Включи свет.

Катер *(не решаясь отойти от нее).* Сможешь стоять?

Марлен. Тебе кажется, что я на тебя опираюсь?.. Давай, включай! *(Стоит, пошатываясь, стараясь опираться на здоровую ногу в свисающем до пола чулке).*

Катер включает вилку в розетку. Несколько лампочек вспыхивают, несколько - нет, несколько вообще отсутствуют.

(Смотрится в зеркало). Беззубый рот, плешивый череп... эти лампочки освещают больше раму, чем меня... Помоги мне.

Катер *(помогает матери сесть на табурет).* Садись и повернись, я должна посмотреть, как нога...

Марлен с трудом поворачивается, так, чтобы Катер, нагнувшись, могла видеть ее лодыжку.

О Господи... ты опять все расцарапала!..

Марлен. Ну и что?

Катер. У тебя поломанные ногти... сколько раз я должна тебе это повторять?.. Когда ты расчесываешь ногу, ты рвешь чулки. С сегодняшнего утра это уже третья пара.

Марлен *(стукнув здоровой ногой).* Тебе никто не разрешал говорить о моих поломанных ногтях!.. Ты прекрасно знаешь, когда они начали ломаться! С тех пор, как я вынуждена была приехать и убирать свинарник в вашем доме, который ты и твой муж считаете идеалом семейного счастья!

Катер *(стягивая с ее ноги чулок, чтобы надеть другой).* Для нас это наш дом, и все.

Марлен. Это еще и дом моего внука! Ты меня прости, но я о нем все время беспокоюсь.

Катер. Если ты думаешь, что у тебя только один внук, то напоминаю, что у меня три сына.

Марлен. Тоска с тобой... Это же понятно, что если я говорю о Майкле, то значит, я говорю обо всех сразу.

Катер. Их трое. Трое! И у каждого свое имя. Вытяни ногу.

Марлен. Мне кажется, ты что-то имеешь против Майкла.

Катер. Я его люблю, мама, не меньше, чем остальных.

Марлен. Невозможно любить всех одинаково. Научно доказано.

Катер. Вытяни ногу.

Марлен. Сердце и мозг обладают ограниченной вместимостью. Всегда требуется выбор. Нравится тебе это или нет. Все остальное – поэзия. Но не для поэтов, а для слабоумных.

Катер. Не получается... Можешь вытянуть побольше?.. Тише, тише...

Марлен. Эта ваша склонность не желать видеть вещи такими, какие они есть, невыносима.

Катер. Кого ты имеешь в виду? Меня и Билла? Или весь мир целиком?..

Марлен. Вы только послушайте ее! Какие громкие слова! Мир целиком - это Миссури, Сингапур, Джакарта... Сборище имен!.. А тех, в которых заинтересована я, наберется максимум дюжина. Поэтому если я говорю: Майкл, - ясно, что я думаю и о малышах.

Катер *(встает и идет за другим чулком).* Одного из них зовут Дэвид. Ты всегда называла его по имени, пока он не сказал тебе однажды: бабушка, сегодня ты мне кажешься старой. И с этого момента ты поставила на нем крест.

Марлен. Думаешь, он сказал это случайно?.. Нет, по зрелом размышлении.

Катер (*пытается натянуть чулок на здоровую ногу матери*). Шесть лет. Ему было шесть лет.

Марлен. В ребенке с рождения заложены капризы и даже злость. Но это была не злость. Это была жестокость. А жестокость, она от взрослых, и уже не проходит.

Катер (*массирует ей больную лодыжку*). Очевидно, он уже родился со склонностью к размышлению.

Марлен. Хватит. Одевай второй.

Катер. Пока нельзя. Может, придется спустить кровь.

Марлен. У меня не нога, а цистерна... Я могла бы поговорить еще о Поле, но не будем трогать эту тему... мне она приносит слишком много страданий.

Катер. Святое небо, можно узнать, что ты имеешь в виду?

Марлен. Катер, дорогая, давай помолчим об этом!.. Ты с твоей манией благотворительности и с этим проклятым телемарафоном!.. Где и когда это было видано, чтобы баба с вот таким пузом, на пятом месяце, целый день торчала перед телекамерами в окружении кучи маленьких калек. Я, конечно, им сочувствую, но видеть это невозможно. Уверена, что именно это зрелище и сказалось на твоём плоде. А потом ты удивляешься, почему этот несчастный ребенок родился таким... Ах, оставим эту тему!

Катер. Родился каким, мутти?

Марлен. Ненормальным. Что, я это придумала?

Катер. Да, ненормальным. А ты знаешь, что ненормального в Поле? Мужество!

Марлен. Причем тут это? Я имею в виду то, что видно невооруженным глазом...

Катер резким движением натягивает чулок на ногу.

Ах!.. Я ошибаюсь или ты мне сделала больно?

Катер (*опуская чулок до середины икры*). Этот ребенок проявил большую волю к тому, чтобы вылечиться! Вопреки врачам, вопреки всему, вопреки тебе!

Марлен. Небо свидетель, что я его любила, как если б это был мой ребенок!

Катер. Был или есть?

Марлен. Ну, ты и зануда!.. Я его любила, и я его люблю.

Катер. Ты заставляешь меня скорбеть, мама!.. И не только о сегодняшнем дне... обо всем... обо всей моей жизни с клеймом твоих прихотей: этого ты хочешь, этого ты не хочешь... о мире, сотворенном по твоим меркам. И логично, что когда кто-то произносит слово «мир», я понимаю под этим тот, настоящий, который не громкое слово, а нормальный мир, мой, наш... всех нас, кто другие, несчастные другие... и тут же я вспоминаю твой - и сразу абсолютная чернота! Черный занавес!

Марлен. Не понимаю, о чем ты.

Катер. Все ты прекрасно понимаешь, готова спорить.

Марлен. Ты приписываешь мне способности, которые, клянусь...

Катер. Я старше тебя, вот в чем истина. Я стала старше тебя.

Марлен. Голубчик, что ты такое говоришь?

Катер. Еще одно твое предприятие, где ты попала в самую точку... С детства ты не хотела, чтобы я росла, чтобы не служить твоим зримым временем... растёт дочь, стареет мать... Боже упаси, лучше остановить этот кадр!.. Меня фотографировали только на чьих-нибудь руках с наполовину отрезанными ногами, или же в кровати под одеялом, никогда полностью, никогда в полный рост!.. Мне давали семь лет, когда мне было уже, по меньшей мере, пятнадцать!

Марлен. Не преувеличивай.

Катер. Зажатая в капкан, вместе с Тами.

Марлен. Между прочим, напомним тебе, что вопрос о твоих фотографиях был условием «Парамаунта». Между прочим.

Катер. Идея принадлежала семье. Тебе и Джо. И Папи. Дурдом, да и только!.. «Семь лет?! Не может быть!» И я должна была говорить: да, это так.

Марлен. И все это потому, что я, любя твоего сына, отказываюсь называть его по имени?

Катер. Опять? Все сначала?

Марлен. Дети - не стадо, Катер... Один отличается от другого. Посмотри в лицо реальности! Будет лучше для всех троих.

Катер. Единственное, чего бы я хотела, так это постараться расплатиться по их счетам.

Марлен. Жизнь так не делается. Пусть они идут по ней своими ногами, послушайся меня.

Катер. Хороший совет, я подумаю. (*Кивая на ногу*). Как ты ее чувствуешь? Вообще чувствуешь ли?

Марлен. Мурашки, как будто отсидела.

Катер. Главное, что ты ее чувствуешь. Попробуем надеть туфель?

Марлен (*послушно*). Милая... я сделаю все, что ты скажешь.

С большим трудом Катер натягивает туфель.

Так распухла?

Катер. Куда уж больше. Скоро обвыкнется.

Марлен, поддерживаемая дочерью, поднимается на ноги. Пробует сделать несколько шагов. Снова садится.

Марлен. Прекрасное утешение. Нужно было бы вскрыть отек.

Катер. Если будет нужно, вскроем.

Марлен. Ты ведь уже научилась это делать, правда?

Катер. Правда.

Марлен. Вот и хорошо. Никаких врачей. Только ты.

Катер отходит к кровати и начинает приводить ее в порядок.

Оставь, для этого есть горничные.

Катер. А вдруг ты захочешь прилечь минут на пять?..

Марлен. Нет, я не люблю спускаться слишком поздно... И не трогай Соваж!..

Возглас запоздал. Катер уже взяла куклу в руки. Что-то ей не понравилось. Вес. Она проверяет. Внутри куклы обнаруживает бутылку.

Катер. Мутти... ты меня пугаешь! Ты распотрошила свою любимую куклу, чтобы прятать в ней выпивку?!..

Марлен, не отвечая, сидит с потерянным видом..

То-то ты не велела никому к ней даже прикасаться... вот почему постоянно таскала ее с собой на все съемки... и «Голубого ангела», и «Марокко», и «Шанхайского экспресса»...

Марлен. Нет, в Шанхае ее со мной не было.

Катер. То, что меня... что меня убивает больше всего, так это мысль о том, что все усилия, которых мне стоила забота о тебе... что все они были напрасны... и что все они воспринимаются как враждебные поползновения. (*Вытаскивает бутылку из куклы*).

Марлен (*покорно*). Забери ее, если хочешь. Ты ее нашла. Ты победила.

Катер рассматривает бутылку, словно пытаясь разгадать загадку.

Это своего рода игра. Состязание. Ты выиграла.

Катер. Если и есть что-то, чего бы я никогда не стала делать, так это соревноваться с тобой. *(Опускает бутылку в куклу. Собирает с кровати фотографии и кассеты).*

Марлен. Я так и не поняла, как разобраться с этими кассетами. Все эти цифры...

Катер. ...номера коробок для каждой кассеты. Ты сама попросила меня пронумеровать их. Чтобы тебе было легко взять нужную.

Марлен. Да, конечно, но без названий я не знаю, какая мне нужна.

Катер. Для этого нужно прослушать их самой. Ты ищешь песню? Как она называется?

Марлен. Какая разница, ты все равно не написала, где что. Объясни мне толком, как пользоваться этой штуковиной.

Катер подает ей магнитофон и несколько кассет. Вставляет одну и показывает, как включать. Уменьшает звук. Марлен подносит магнитофон к уху. Слушает.

Катер. Я звонила папе.

Марлен. Как он, бедняжка?.. Как сделать, чтобы перемотать вперед?

Катер. Крайняя правая кнопка... Он сказал, что торговля яйцами идет с трудом.

Марлен *(не отнимая магнитофон от уха).* Проблема не в яйцах, а в этом ужасном ростовщике, который одолжил ему денег на ранчо.

Катер. Папу интересовало ощущение, каково это - не зависеть от твоих денег.

Марлен. Оно не очень затянулось, это ощущение. Кончилось тем, что я выплатила долг и купила ему его.

Катер. Ты купила ранчо?!.. Когда?

Марлен. Ох, пару лет назад.

Катер. И ни одному из вас не пришло в голову сказать мне об этом?

Марлен. Но это же так логично!... Это само собой разумеется: рыбак ловит рыбу, охотник охотится на зайцев...

Катер. А мутти платит за Папи!

Взрыв на зеркальной раме. Лопается одна из лампочек.

Марлен. Аллилуйя!.. Что я говорила? Что однажды такое случится! Невозможно, чтобы не случилось. А мне никто не верил... Простая статистика! Так что и в истории с Папи я права, поверь мне. Или, полагаешь, я поступила так, чтобы этим убить его?

Катер. Тебе бы не хотелось его навестить?... Скажем, когда закончится турне...

Марлен медленно поворачивается и смотрит на клубок шерсти, оставленный Тами на кресле.

Марлен. Убрала бы ты этот клубок. Мне тяжело видеть его без Тами.

Катер. Не ты ли сама под конец уже не чаяла как можно скорее избавиться от нее...

Марлен. Под конец, да! Она меня достала своими нервными припадками!

Катер. Еще сильнее они терзали ее.

Марлен. И все чаще и чаще!.. Они ее разрушали.

Катер. Они ее убили. Там, в психиатрической клинике.

Марлен. Она умерла в своей постели. Если есть что-то, что мы должны сделать для других, так это позаботиться, чтобы они умерли в хорошей постели.

Катер. Тебе кажется, что та, в дурдоме, могла считаться хорошей постелью?

Марлен. Вполне. Это была отличная больница... Подай мне другие кассеты.

Катер *(протягивает ей кассеты).* Это был наш общий сговор. Отправили туда кровать почтовым багажом, Папи установил ее, и тема была закрыта.

Марлен (*вставляет кассету в магнитофон*). Это была роскошная кровать. Сколько любви было вложено в ее поиск!

Катер. Какой поиск? Какая любовь, мутти? Я купила первую попавшуюся... впопыхах... Подлый сговор. И я в нем участвовала. У меня не было больше моральных сил возить ее на электрошок. Видеть ее потухшие глаза. Она знала, куда я ее вожу. Я оставляла ее медсестре, которая час спустя возвращала мне... человека, потерявшего еще кусочек мозга... кусочек памяти... долю эмоций...

Марлен (*расцветая*). Вот она! Та, которую я искала!

Катер. Ты никогда не хочешь меня слушать!

Марлен. Ты неправа, я слышала все. Но мне скоро на сцену и, если позволишь, некоторые темы кажутся мне не ко времени.

Катер. Разве не ты завела разговор о моих детях?

Марлен. Если бы я могла умереть за них!

Катер. Ох, ты готова умереть за многих! И это не просто слова. Ты бы сделала это на самом деле.

Марлен. Ты будто упрекаешь меня.

Катер. Так оно и есть! (*Садится рядом*). Дай-ка, я подтяну тебе чулок.

Марлен (*резким движением выключает магнитофон*). Пересечь Европу, когда там полыхает война, переезжать с одного фронта на другой, чтобы доставлять еду родителям твоего отца, сказать «нет» Риббентропу, «нет» фюреру... за это ты меня упрекаешь?

Катер. Я имела в виду не это. Другое. Вытяни ногу.

Марлен. Помолчи! Встань!.. Уехать из Германии, когда это еще не считалось бегством, и постоянно слышать, как тебя называют предательницей, не имея для этого никаких оснований... в этом моя вина?

Катер. Для меня не имеет никакого значения суть твоих героических поступков. И что о них думают другие, тоже, мутти. Я знаю, что ты принесла бы себя в жертву ради меня, ради Папи, ради любого, но нельзя упиваться ценой за все возможные жертвы, которые человек мог бы принести. Возможность умереть за нас не дает тебе права жить за нас.

Марлен. Какое свинство!.. Когда ты выходила замуж, тебе что, кто-то приказал? Может быть, я?.. В первый раз ты меня даже не спрашивала. Во второй тоже.

Катер. А как мне было иначе спастись от этой гувернантки-лесбиянки? Не хочешь об этом поговорить?

Марлен. Ах, причем тут эта история! Это безумие!

Катер. Которого я не желала!

Марлен. Я говорю, безумие, что ты так это себе представляешь.

Катер. А как, по-твоему, я должна себе представлять? Если однажды, когда мне было всего тринадцать - тринадцать! - я очутилась под носорогом с титьками, болтающимися перед моим носом, и рукой у меня между ног... до тех пор, пока у меня не пошла кровь!..

Марлен. Это да, с этим я могу согласиться.

Катер (*в ужасе*). Можешь с этим согласиться?!..

Марлен. Ты говоришь со мной так, словно я это все придумала, и Бог знает, с какими тайными целями!

Катер. Ты можешь воспринимать мои слова, как тебе нравится. Это твоя профессия.

Марлен. Ты хочешь сказать, что я об этом знала?

Катер. Не то чтобы знала, но что такое может случиться, вполне могла предположить, зная ее склонности.

Марлен. Боже, какая ты зануда!.. Зануда и убожество!

Катер. Я тебе говорю об изнасиловании! В чем мое убожество?

Марлен. В том, что ты меня считаешь убожеством!.. То, что эта женщина предпочитала спать с женщинами, вовсе не означало, что я как мать считала само собой разумеющимся, что она захочет переспать и с тобой.

Катер. Она превратила меня в свою сексуальную рабыню на целых три года!

Марлен. А может, было бы достаточно открыть рот и сказать: извини, у меня тоже есть право голоса?

Катер. Ты не могла бы хоть изредка быть менее монструозной?

Марлен. Знаешь, что я скажу тебе, моя звездочка?.. Тебе не следовало говорить так. Даже если тебе это не нравится, монструозность – наследство, за которое тебе нужно держаться обеими руками. Подумай об этом!.. И передай мне Соваж.

Катер колеблется.

Дай мне Соваж!

Катер встает, берет куклу и протягивает Марлен.

(Достает из куклы бутылку и бросает пустую куклу на кровать). Да-да, ты не ослышалась. Я не откажусь ни от одного своего слова. *(Делает большой глоток).* Брильянты, платья, картины - это все чаевые, а вот моя монструозность - это главный капитал! Настоящий капитал. В тебе она тоже есть - под когтями твоей невинности.

Голос за сценой: «Мисс Дитрих, до выхода пятнадцать минут».

Марлен. Хорошо, что наступает срок заняться чем-то приятным.

Катер. Он сказал: пятнадцать минут. Еще есть время... объясни, пожалуйста.

Марлен. Отстань.

Катер. Капитал, наследство... объясни.

Марлен. Думай сама, ты умная девочка.

Катер. Докажи мне, что ты права и что на самом деле ты делаешь меня счастливой.

Марлен *(с гримасой страдания).* Это не туфель, это испанский сапог! Сними.

Катер. Если я сейчас сниму, нога еще больше распухнет, и его уже ни за что не надеть.

Марлен. Наденем, наденем, снимай!

Катер. Не хочешь же ты появиться на сцене без туфля, с одной распухшей ногой?

Марлен. Ох, вот было бы аплодисментов! Хромая утка!.. Ну, пожалуйста... сними...

Катер. Чудо! Она сказала: пожалуйста!.. Дай, я подтяну тебе чулки. Держи меня за руку.

Марлен подчиняется. Получается так, что обе на секунду прижались друг к другу.

Марлен. Как ни крути, в конце концов результат один. *(Смотрит на очки, оставленные Бартом).* Ты понял это лучше других, Барт... Синдром кулисы.

Катер *(проследив за ее взглядом).* Куда ты смотришь? О чем ты?

Марлен. Так, ни о чем. Просто вспомнился давний диагноз. *(Смотрит на Катер, которая поправляет ей платье).* Катер, Катер... единственный источник моих улыбок, единственный источник моих страданий... В день землетрясения в Голливуде, когда я услышала, как с полок посыпалось все, что на них стояло, и увидела падающие фотографии Джо и Папи... твоя нет, твоя осталась висеть... я выскочила на улицу с одной мыслью спасти тебя. Но как спасти?... Все носились туда-сюда... Мозе в одну сторону, Джесси Джеймс в другую... я чуть не налетела на Кроуфорда... или нет, на Джейн Харлоу... Да это была Джейн Харлоу!.. Я сталкиваюсь с Джейн Харлоу, размалеванной как шлюха, готовая к случке, и она меня спрашивает: как ты думаешь, может, нам укрыться в ангаре для автомобилей? А я с ненавистью ей отвечаю: мне нужно найти Катер! Она с издевкой: ох-ох, все время в заботах, у меня двое детей, и я абсолютно не тревожусь о них. Ах, ты, сучка, думаю я и со всей злостью, на какую только способна, выпаливаю: что еще от тебя ждать, ведь твои дети – приемные!

Катер усаживает ее и собирается надеть туфель на другую ногу.

Это правда... если утробой не почувствуешь... как можно сравнить рожденных тобой и взятых из приюта... Запиши эту забавную историю. Может, пригодится.

Катер. На что ты намекаешь?

Марлен. На книгу, которую ты пишешь. Как обстоят с ней дела? Продвигаются?

Катер. Ты выиграла процесс. Что тебе еще нужно?

Марлен. Я его не выиграла. Этот приговор – обман.

Катер. Я была готова прочитать тебе каждую страницу. И ты могла бы сказать: это пусть останется, а это надо убрать.

Марлен. Если мне придет в голову поведать историю моей жизни, я сама об этом позабочусь, избежав сита твоей досады.

Катер. Может быть, это был случай довериться мне, не думаешь?

Марлен. Согласна. Упущенная возможность. Может быть, так и стоило поступить. И разрешить тебе опубликовать книгу только после моей смерти!.. Хорошенькое дело узнать, что ты лежишь в могиле абсолютно голая. Мне следовало бы найти медиума в качестве агента по защите моих прав. *(Пауза).* Я такого не заслужила, Катер... я такого не заслуживала.

Катер. Но я не этого хотела!

Марлен. Но ты этого добилась. И заработала за это.

Катер. Мутти... поверь мне...

Марлен. Хотелось бы. Но не получается.

Голос за сценой: «Десять минут до выхода на сцену».

Марлен. Зал, наверное, уже переполнен.

Катер *(становится на колени и обнимает ее).* О, мама!

Марлен. Что с тобой, девочка моя?

Катер. Я сделала это, чтобы разобраться в себе самой. Чтобы понять, кто я такая...

Марлен. Имея перед глазами пример моей жизни?.. Тогда почему тебе никогда не приходило в голову: а что, если попытаться поступать, как мутти... попытаться посмотрю на вещи ее глазами!.. Посредственность! Черт возьми, растратить жизнь на то, кто ты есть, а не на то, кем ты должна была стать!..

Катер. Ты думаешь, что я такая же сильная, как ты?

Марлен. Ты моя дочь, Катер! Прежде, говоря о своем малыше, ты сказала: он мужественный! Ты сказала так, потому что знала, что это ему передалось от тебя. Тогда объясни мне, почему я не могу рассуждать так же о тебе?

Катер. Малыша зовут Пол.

Марлен. Пол.

Катер. Ты могла защитить меня от всех, только не от меня самой. Для меня это - зеркало нашей слабости, которая порой кажется мне обоюдной.

Марлен. Откуда слабость? Сейчас она всего лишь потому, что у меня болит нога!.. *(Поднимает с пола туфель).* Этот мы оставим в кулисе. К чему терпеть такую боль!

Мать и дочь крепко обнимаются. Марлен ставит на колени магнитофон. Показывает на него...

Марлен. Та самая песня... у нас еще есть время... я искала ее, потому что очень хотела ее спеть. Как много лет назад. Может, поэтому ты постаралась сделать так, чтобы мне было трудно ее найти...

Нажимает кнопку, звучит мелодия «Little Drummer Boy». Марлен напевает ее словно колыбельную, посвященную дочери.

Во время исполнения появляется Джо. Он берет свою сигару, которую оставил на блюде еще в первом действии и которая продолжает находиться среди тысячи предметов на гримировальном столике. Закуривает, встает напротив Марлен.

Сейчас они втроем. Женщина поет, мужчина смотрит на нее, дочь слушает.

Марлен обменивается взглядом с Джо.

Музыка звучит фоном и тогда, когда Марлен прекращает петь.

Катер отходит, чтобы сложить какие-то принадлежности на большой поднос.

Джо. Прости, я не мог придти раньше.

Марлен. Очень жаль. Мне не хватало твоей кадрировки, Джо. Не чувствовать себя в кадре значило чувствовать себя очень неловко.

Джо. Сорок лет ощущать неловкость? Не поверю.

Марлен. Сорок?!

Джо. Сорок. Наш последний фильм мы сняли в тридцать пятом. Посчитай.

Марлен. Тсс!.. К чему эти цифры? Можно спокойно обойтись и без них. Знаешь, я тут недавно вспомнила об одной истории, которую рассказал мне ты. Ту, где в финале падает снег...

Джо. Это о том месте, где я сейчас нахожусь. Нет, это не Сан Фердинандо Валли. И даже не Голливуд. Не осталось никого, кто участвовал в наших съемках.

Марлен. Этот финал со снегом... я могла бы рассказать его по памяти...

Джо. Это место мертвых.

Марлен. «Легкий стук в стекло заставил его *подойти* к окну».

Джо (*поправляя ее*). «Заставил его *вернуться* к окну».

Марлен. Да, конечно... «вернуться к окну».

Джо. «Пошел снег. Он засыпал все пространство темной равнины, ложась на голые холмы...»

Марлен. «... мягко падая на лагуну... на лагуну... (*силится вспомнить название*)».

Джо. «...на лагуну Аллен, а чуть дальше на запад, медленно падая на яростные волны Шеннона, засыпая пустынное кладбище на вершине холма, его скособоченные кресты, и решетки оград, обнаженный ежевичник. И душа покинула его...»

Марлен. «... медленно улета...»

Джо. «... а он все слышал, как снег засыпает Вселенную, падая устало, словно истекал их последний час...»

Марлен. «... погребая всех живых...»

Джо. «... и всех мертвых».

Марлен. Это правда, что он все время падает так медленно?

Джо. Очень медленно. Неимоверно белый в черноте ночи.

Марлен. И как там тебе, Джо?.. В твоём поразительном черно-белом мире?

Джо. Очень грустно без его первой горожанки. Без его королевы.

Голос за сценой: Мисс Дитрих... пять минут!

Катер (*в ответ*). Да-да, спускаемся! (*Поворачиваясь к Марлен*). Я готова. А ты?

Марлен кивает. Катер выкатывает из-за спинки кровати сложенное кресло на колесиках. Раздвигает его, ставит рядом с матерью, помогает пересесть, ставит ей на колени поднос.

Катер. Кажется, ничего не забыла... бокал, щетка, губная помада, бумажные салфетки, компактная пудра, зеркало, четыре таблетки «Дарвона», три таблетки «Дексидрина», одна «Кортизона»...

Марлен (*кладет сверху блестящий туфель на каблуке*). И еще вот это.

Катер откатывает коляску к заднику сцены.

Джо. Молодая женщина протягивает руку, чтобы открыть воображаемую дверь...

Катер делает это.

Переход из тени к свету создает эффект открытия двери...

Благодаря световому эффекту пространство вокруг исчезает.

Молодая женщина берется за ручки кресла-коляски и везет пожилую по коридору...

Катер медленно катит коляску по сцене.

Камера отъезжает назад, беря коридор в рамку ... Кто-то выглядывает из полуоткрытой двери. Сидящая женщина закрывает глаза. Камера едет в сторону, давая женщинам пройти... Они останавливаются у лифта. Молодая нажимает кнопку, вызывая лифт.... Несколько секунд ожидания, и створки раскрываются. Молодая женщина поворачивается спиной к лифту и вкатывает в него коляску. Наклоняется, чтобы нажать кнопку. Прижимается спиной к стенке лифта. Смотрит вверх. Лифт вздрагивает от торможения. Звук раздвигающихся створок лифта. Пожилая женщина на мгновение распахивает глаза. Кисея дыма или пара затуманивает кадр. Камера отъезжает. Туман рассеивается. Молодая женщина вновь толкает кресло перед собой. Камера панорамирует помещение. Это гигантская кухня дорогого отеля. Все в дереве. Пар поднимается над огромными кастрюлями, ярко горят огни печей. На мраморной разделочной плите - черное тело огромной меч-рыбы. Мелькают белые куртки официантов, поваров, подсобных рабочих... Поварские куртки забрызганы кровью. Присутствующие расступаются, давая проехать креслу. Женщина в кресле морщит нос...

Марлен. (*Катер*). Омары!.. Напомни мне, чтоб я их не заказывала.

Джо. Нюхай еще.

Марлен (*принюхиваясь*). Филе миньон... закажем это.

Джо. Многие кланяются. У некоторых за поясами фартуков фотографии пожилой дамы. Камера останавливается, вновь давая коляске проехать. Теперь из-за спин женщин мы видим, как они въезжают в прямоугольник света. Силуэт молодой женщины, которая наклоняется, чтобы надеть туфель на ногу пожилой.

Катер делает это.

Пожилая женщина поднимается. Сама.

Марлен встает.

Голос объявляет о ее выходе.

Голос за сценой: «Et finalement... et finalement, voilà... Mesdames... Messieurs... Марле-е-ен! Дитри-и-их!»

Джо. Она сбрасывает кимоно, которое падает на руки молодой женщины.

Кимоно падает. Катер подхватывает его.

Это золотая шпага!.. Золотая шпага в третьей позиции... Молодая женщина подает ей бокал...

Катер подносит бокал Марлен.

Она берет бокал, поворачивается... и смотрит на что-то, чего не видит никто другой... Она смотрит на меня.

Марлен, поднимая бокал, смотрит в сторону Джо.

Но видит лишь тень, которая не может ответить на ее тост.

Марлен (*держа бокал высоко поднятым*). Я вижу все, на чем задерживается мой взгляд. Я вижу снег. Белый-белый снег в черноте ночи.

Джо. Шпага, сверкающая золотая шпага выходит на сцену!

Вспыхивает яркий свет и мгновенно гаснет.

Валерий Николаев
val.nik@mail.ru
+7 903 799.34.21